

А. Н. Нуруллаев

ПРИЧИНА
РИМСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Том I

П р е п р и н т

К у л ь т И н ф о р м П р е с с
Санкт-Петербург

2007

УДК 330.811
ББК У03(0)3
Н90

Нуруллаев А.Н.

Н90 Причина римской революции. Том I. (Препринт) — СПб.:
КультИнформПресс, 2007. — 616 с.

ISBN 5-8392-0274-6

Термин «революция» применительно к событиям римской истории рубежа старой и новой эры используется в исторической науке для отражения сути коренного перелома в развитии Римского государства — перехода от республики к империи в конце I в. до н.э. Автором монографии выдвигается идея о том, что причиной этого процесса стала системная нерешенность ветеранского вопроса в республиканском Риме. Хронологически I том исследования завершается временем гибели Помпея Великого, военно-политическая деятельность которого представлена доминантной в ходе изыскания путей наделения ветеранов римской армии земельными наделами на регулярной основе.

УДК 330.811
ББК У03(0)3
Н90

ISBN 5-8392-0274-6

© А.Н. Нуруллаев, 2007
© КультИнформПресс, 2007
© Д.А. Бюргановский, оформление, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представлено исследование одного из драматичных периодов истории Древнего Рима, охватывающего в основном события I в. до н.э. – начала I в. н.э. В течение этого времени Рим нередко вел различные по своей продолжительности войны на разных театрах военных действий одновременно при том, что политические события в самом городе приобретали критический характер. Вследствие этого структура изложения исследования, возможно, получилась несколько сложной, но, надеемся, логичной. Желание не усложнять еще более содержание монографии обусловило то обстоятельство, что историография рассматриваемых событий представлена в работе ограниченно*. Тем не менее, интересующийся данной тематикой читатель без труда разглядит отличия в нашем толковании исторического процесса от имеющихся в историографии оценок.

Работая над монографией, мы старались:

- не отрицать фактов, приводимых в источниках;
- критически относиться к интерпретации этих фактов, в том числе авторами источников;
- не все события нашли свое отражение в источниках. Поэтому там, где анализ известных фактов позволял, мы пытались восполнить наиболее значимые пробелы.

Во введении представлен анализ ключевых эпизодов, который позволил нам выстроить в хронологически связанную цепь изложение хода римской истории в исследуемый период. В связи с этим в некоторых местах I и II частей читатель заметит определенное повторение изложенного во введении, что было сделано с целью придать указанным частям монографии самодостаточный характер.

* В этом вопросе мы также солидарны с подходом М.И. Ростовцева, обозначенным в Предисловии к работе «Рождение Римской империи»: «Мое изложение основано на источниках. Исчерпать современную литературу специально для этой работы я не стремился. Думаю, что наиболее значительное и в области общих трактовок, и в области специальных статей мне известно. Приводить литературу в конце книги я счел излишним. Книга моя не имеет цели служить учебником или получебником». Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг. 1918. с. V-VI.

ВВЕДЕНИЕ

Странная восточная война Помпея

Весной 66 г.* Гней Помпей Великий принял командование римской армией, уже восьмой год воевавшей в Азии с Митридатом VI Евпатором. С самого начала третьей митридатовой войны в 74 г. армию римлян возглавил Луций Лициний Лукулл. Несмотря на ряд блестящих побед, одержанных над Митридатом и его союзником Тиграном, вследствие бунта в войсках... «война Лукулла против Митридата не была доведена до твердого и решительного конца»¹ и приняла затяжной характер. В 67 г. по инициативе народного трибуна Габиния правителем Азии был назначен один из консулов этого года Глабрион², которому также не удастся взять ситуацию в римских легионах под контроль. Тогда на основании Манилиева закона, принятого в начале 66 г., на место Лукулла назначается Помпей, наделенный исключительными правами объявлять войну и заключать мир от имени римского народа. Логично предположить, что, отправляя Помпея в Азию, в Риме от него ожидали скорейшего доведения войны до победного конца, тем более что в 67 г. Помпей продемонстрировал свое умение быстро добиваться результата, когда за три месяца ему удалось ликвидировать многолетнюю пиратскую угрозу для Рима. Однако с точки зрения поставленной Римом задачи Помпей повел против Митридата в высшей степени странную войну.

Как же развивались события?.. Митридат сразу предпринимает попытку капитулировать, для чего направляет послов к Помпею для выяснения у римлян условий прекращения войны³, однако ввиду неприемлемости для царя предъявленных требований миссия терпит неудачу и война продолжается. Понтийский царь всячески уклоняется от открытого столкновения с Помпеем. Выдержав полуторамесячную осаду в укрепленном лагере, ему удается бежать с незначительной частью войска. Помпей настигает его на Евфрате и в ночном сражении наносит сокрушительное поражение. Несмотря на то, что Митридату вновь удастся бежать и, миновав Кавказ, укрыться в Меотиде (Крымский полуостров), в ходе дальнейшей войны уже не будет ни одной битвы понтийцев с римлянами. «Объявив, что он обречет царя [Митридата] в жертву врагу более страшному, чем он сам, – голоду, Помпей своим флотом преградил путь купеческим кораблям в Боспор»⁴, блокируя его таким образом. Плутарх пишет, что видя, как к Митридату «трудно подступиться с оружием и ... при бегстве он опаснее, чем в

* Здесь и далее везде – до н.э.

¹ App. Mithr. 91.

² Sall. V. 13.

³ App. Mithr. 98.

⁴ Plut. Pomp. 39.

сражении»⁵, Помпей «не желал напрасно тратить силы на преследование врага и проводил другие военные начинания, **умышленно замедляя ход событий**»⁶. На первый взгляд, вполне правдоподобное желание не пускаться в погоню за царем с огромной армией через неизведанные земли. Однако после 66 г. Помпей не предпринял ни одного усилия для захвата царя, который уже более сорока лет вел с Римом ожесточенные войны. Когда блокированный Митридат предпринимает в 65 г. очередную попытку капитулировать, обязавшись «платить дань римлянам за свое родовое царство»⁷, находившийся в Сирии Помпей приказывает понтийцу самому явиться и просить об этом, как в свое время поступил Тигран, что отверг уже сам Митридат⁸. Получается, что Митридат Помпею не нужен был ни побежденным, ни сдавшимся? Сама война закончилась в 63 г. лишь со смертью заблокированного в Меотиде царя. Примечательно также, что Митридат умер не от страшного «голода» и не от рук римлян, а... потому что покончил собой из-за восстания против него собственного сына и предательства приближенных⁹, т.е. если бы не внутривосточные противоречия, то **по желанию Помпея война могла бы продолжаться сколь угодно долго**¹⁰. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на задачу возможно скорого завершения многолетней войны с Митридатом, Помпей, располагая всеми возможностями добиться поставленной Римом цели, преднамеренно оттягивал ее завершение.

Затягивание войны выглядит еще более странным на фоне бурных политических событий в самом Риме, происходивших, согласно сложившейся в историографии интерпретации, без всякого видимого участия самого Помпея и зачастую направленных, как считается, против его интересов¹¹. К этой теме мы обратимся позже, установив сперва цели, преследуемые в затягиваемой азиатской кампании римским полководцем.

В течение всей войны, не считая неудачного нападения на римлян кавказских племен на Куре, инициатива всегда была на стороне Помпея, который по завершении Митридатовой войны, «счастливым образом» – если не считать Понтийской войны [т.е. непосредственно войны с Митридатом], – с кохами, албанцами, иберийцами, армянами, мидийцами, араба-

⁵ Plut. Pomp. 38.

⁶ Plut. Pomp. 41.

⁷ App. Mithr. 107.

⁸ App. Mithr. 107.

⁹ App. Mithr. 111; Plut. Pomp. 41.

¹⁰ «Помпей тем не менее полагал, что война будет завершена только после того, как Митридат будет вынужден расстаться с жизнью» Cic. pro Murena. 34. Речь в защиту Луция Лициния Мурены. В суде, вторая половина ноября 63 г.

¹¹ См. напр.: Моммзен Т. История Рима. Ростов на-Дону. 1997. Т. 3. с. 170-171, 188; Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. 1984. с. 54, 59; Этьен Р. Юлий Цезарь./ Пер. с фр. Э.М.Драйтовой. М. 2003. с. 61.

ми, иудеями и другими восточными народами, раздвинул власть римлян до Египта»¹². По Плутарху, находившийся в походе против петрейского царя Помпей, получив известие о смерти Митридата когда «оставалась лишь небольшая часть пути до Петры»¹³, решает прекратить поход и готовится к возвращению в Рим. На первый взгляд, им преследуется вполне полезная для Рима цель – расширение владений собственного государства за счет новых завоеваний и слава непобедимого полководца. Однако и здесь возникают определенные вопросы: затягивание войны не единственное странное обстоятельство в этом походе.

По Аппиану, после нанесения поражения армии Митридата Помпей преследовал его до страны колхов, «затем же, **считая, что самому ему никогда не обойти кругом ни Понт, ни Меотиду [...], стал обходить страну колхов, интересуясь рассказами о пребывании здесь аргонавтов, Диоскуров и Геракла и особенно желал увидеть место страданий, где по преданию на Кавказских горах страдал Прометей**»¹⁴. Сравните действия Помпея на Кавказе с характеристикой, данной ему знаменитым оратором Марком Туллием Цицероном в речи, произнесенной в 66 г. в поддержку назначения Помпея главнокомандующим на Митридастову войну: «А теперь обратите внимание на его воздержанность в других отношениях. Откуда, по вашему мнению, взялась у него эта быстрота, эта столь необычная скорость при передвижениях? Ведь не какая-либо исключительная сила гребцов, не искусство небывалое кормчих, не ветры, неизвестные ранее, так быстро перенесли его в самые отдаленные страны. Нет, **он просто не задерживался из-за того, что обычно заставляет других полководцев замедлять свой путь. Его не отвлекала от намеченного им себе пути ни алчность к добыче, ни жажда наслаждений, ни красота страны – ради удовольствий, ни известность городов – ради ознакомления с ними, ни, наконец, усталость – ради отдыха;** на статуи и картины и на прочие украшения греческих городов, которые другие должностные лица считают себя вправе увозить, он не счел для себя позволительным даже взглянуть»¹⁵.

Далее. Несмотря на то, что Тигран II отказал Митридату в убежище и даже объявил награду за его голову¹⁶, Помпей вторгается в Армению, куда его пригласил молодой Тигран¹⁷, выставляя против армянского царя обвинение в помощи понтийцам¹⁸. Царь Тигран предпочел сдаться на милость победителя. Решая, кому отдать в управление армянское царство, Помпей

¹² App. Mithr. 114.

¹³ Plut. Pomp. 41.

¹⁴ App. Mithr. 103.

¹⁵ Cic. De imp. Pomp. 40. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею [На форуме. 66 г.].

¹⁶ Plut. Pomp. 32.

¹⁷ Plut. Pomp. 33.

¹⁸ App. Mithr. 104.

выбирал между Тиграном-отцом и Тиграном-сыном. Относительно последнего известно, что он, в свое время, оказавшись неверным собственному отцу, вступил с ним в войну и, будучи побежденным, бежал к парфянскому царю Фраату III¹⁹. Приглашая Помпея вторгнуться в Армению, молодой Тигран рассчитывал стать царем Армении, что отвечало интересам парфянского царя, который, в свою очередь, стремился к союзу с римлянами. Прогноировав интересы Фраата, Помпей решает, чтобы Тигран-старший правил Арменией, ставшей теперь союзником римского народа, а младший – Софеной. Недовольство Тиграна-младшего, выразившееся в дерзком поведении, привело к его аресту. Требование Фраата выдать пленника Помпей также проигнорировал²⁰. Отношения с парфянами окончательно испортились. Плутарх говорит о том, что еще до вторжения в Сирию посланное Помпеем войско во главе с Афранием изгнало вторгнувшихся в Гордиену, землю подвластных Тиграну племен, парфян и преследовало их вплоть до Арбелитиды²¹. Однако, несмотря на все разногласия и вооруженные стычки, кризис не перерос в войну между Римом и Парфией.

После установления контроля над Арменией Помпеем... «овладело бурное стремление захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир»²². Несмотря на то, что сирийский царь «не совершил никакого проступка против римлян»²³ и Помпей «не имел в чем винить Антиоха»²⁴, римлянин выступает в поход на Сирию под предлогом отсутствия в ней законных царей²⁵, объявляет ее провинцией и достоянием римского народа. После покорения Сирии Помпей вмешивается в междоусобный конфликт в Иудее и захватывает в плен царя Аристобула. Потом он идет походом против царя петрейских арабов, несмотря на то, что последний отправляет римлянам послание о своей готовности во всем подчиниться²⁶.

Таким образом, мы можем констатировать, что армяне, сирийцы, иудеи и арабы, демонстрировавшие полную лояльность к римлянам и не дававшие Помпею поводов к войне, подверглись вторжению римлян, тогда как имевшиеся куда более реальные разногласия с парфянами не привели к конфронтации.

¹⁹ App. Mithr. 104.

²⁰ Plut. Pomp. 33.

²¹ Plut. Pomp. 34.

²² Plut. Pomp. 38. Еще до этого, после битвы с албанцами у Куры, «Помпей намеревался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся». Plut. Pomp. 34.

²³ App. Syr. 49.

²⁴ App. Mithr. 106.

²⁵ Plut. Pomp. 39.

²⁶ App. Mithr. 106; Plut. Pomp. 41.

Кроме упомянутых выше разногласий с Фраатом, и Плутарх, и Аппиан приводят еще один эпизод. В 64 г. армяне и парфяне обратились к Помпею с просьбой разрешить имевшийся между ними территориальный спор²⁷. В этом споре Тигран, будучи союзником римского народа, рассчитывал на поддержку Помпея. Однако и теперь Помпей, «не считая себя вправе воевать с парфянами без решения римского народа»²⁸, избежал военного столкновения, хотя манилиев закон предоставлял ему полную свободу действий в Азии, а завоевание армян, сирийцев, иудеев, арабов было осуществлено без решения римского народа. Между тем, по сравнению с проделанными завоеваниями победа над парфянами была бы куда более сложной и от этого более почетной задачей. С одной стороны, на тот момент в Азии парфяне были более грозными соперниками для Помпея, чем все остальные вместе взятые²⁹. С другой, победа над Фраатом, кроме добычи и новых римских провинций, дала бы самому Помпею в качестве полководца куда больше, чем все его предшествующие военные кампании, так как уже никто не мог бы бросить тень на его славу полководца³⁰. Необходимо отметить также, что тогда предпосылки для победы были куда существеннее, чем в 54-53 гг. в походе Красса, завершившемся для римской армии катастрофой: набравшее мощь Парфянское царство в это время было слабее, а действующая и опытная римская армия располагала огромными ресурсами завоеванных территорий, чего не было при Крассе. По утверждению Плутарха, «парфяне во времена Лукулла еще не достигли той мощи, что во времена Красса; их государство еще не было таким сплоченным и из-за междоусобных войн и раздоров с соседями не в силах было дать отпор нападениям армян»³¹.

Аппиан говорит, что поход против Сирии был предпринят Помпеем «на самом [...] деле потому, что ему, имеющему войско, было легко захватить большое, но невооруженное государство»³². Данное утверждение в одинаковой степени справедливо для большинства завоеваний Помпея в этой войне.

²⁷ App. Mithr. 106; Plut. Pomp. 39.

²⁸ App. Mithr. 106.

²⁹ Впоследствии Цезарь, одержав молниеносную победу над Фарнаком, сыном Митридата, «часто поминал, как посчастливилось Помпею стяжать славу полководца победами над неприятелем, который не умел воевать». Suet. Caes. 35. 2.

³⁰ Лукулл, и наверняка немало было тех, кто разделял его мнение, в лицо сравнивал Помпея со стервятником, способным лишь «набрасываться на убитых чужою рукой и разрывать в клочья останки войны». Считалось, что победы Помпея над Серториєм, Лепидом, Спартакoм и, наконец, Митридатом и Тиграном, принадлежали, собственно, Катулу, Метеллу, Крассу и самому Лукуллу. Plut. Pomp. 31.

³¹ Plut. Luc. 36.

³² App. Syr. 49.

Таким образом, мы можем утверждать, что, затягивая войну, Помпей старался также не ввязываться в борьбу с противником, способным оказать ему сопротивление. В этом случае можно предположить, что целью кампании было превращение в римские провинции слабых государств Азии. Однако и у этого предположения есть определенные недостатки, не позволяющие рассматривать его в качестве решающего мотива Помпея.

«Из многих сражений, данных Помпеем, – а им нет числа – пожалуй, самым страшным кажется мне то сражение, которое он дал самому царю [Митридату в 66 г.]: оно отличалось необычайным ожесточением»³³. Именно на месте этого победного сражения был основан город Никополь³⁴. Однако самое примечательное было то, что решающее сражение в этой войне произошло вопреки намерениям Помпея³⁵. При отсутствии сколько-нибудь значимого сопротивления события на театре военных действий развивались в крайне медленном темпе³⁶. Во время кампании «больше всего времени он [Помпей] посвящал разбирательству судебных дел, улаживая споры городов и царей»³⁷. Между тем, напомним, Помпей заменил Лукулла на посту командующего потому, что Рим был недоволен затягиванием войны (вообще, азиатские завоевания Помпея никак не согласовывались с поставленной задачей).

Очевидно, что перед Помпеем стояла куда более сложная задача, чем скорое завершение митридатовой войны, на решении которой он должен был сосредоточить все свои усилия, ограничившись на театре военных действий пусть и результативной (подчинение Армении и Иудеи, обращение в римскую провинцию Сирии и т.д.), но все же имитацией войны, завершившейся в 63 г. только из-за смерти понтийского царя.

Для установления истинных мотивов Помпея в столь странной кампании мы должны обратить внимание на обстоятельства, приведшие к отстранению от руководства армией Лукулла, а именно, бунт в римских войсках.

Несмотря на успешное развитие военной кампании под руководством Лукулла, римские солдаты были недовольны своим полководцем. Одним из

³³ Cic. pro Murena. 34.

³⁴ «... считая, что им окончена вся война, основал в том месте, где победил в битве Митридата, город, который в ознаменование подвига был назван Никополем». App. Mithr. 105.

³⁵ «Помпей же, заметив приготовления врагов, опасался пойти на такое рискованное дело, как битва в темноте, считая, что достаточно только окружить врагов со всех сторон, чтобы они не могли бежать; днем же он надеялся неожиданно напасть на царя, несмотря на превосходство его сил. Но старшие начальники войска Помпея пришли к нему с настоятельной просьбой и советом немедленно начать атаку». Plut. Pomp. 32.

³⁶ Цезарь после победы над Фарнаком не ограничился лишь знаменитым лаконичным письмом сенату, а продемонстрировал, что его победу следует рассматривать именно в пику медлительности азиатской компании Помпея: «В понтийском триумфе [Цезаря в августе 46 г.] среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: „Пришел, увидел, победил”, – этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения» Suet. Caes. 37.

³⁷ Plut. Pomp. 39.

лиц, открыто выражавших в армии недовольство, был Публий Клодий, родственник Лукулла, который «постоянно возмущался, что войнам и мукам не видно конца, что до последнего дыхания их заставляют биться со всеми народами, сколько их ни есть, и гоняют по всей земле, между тем как **достойной награды** за все эти походы им нет, а вместо этого приходится сопровождать повозки и верблюдов Лукулла, нагруженных золотыми чашами в драгоценных камнях»³⁸. Нельзя сказать, что Лукулл вообще не давал вознаграждения солдатам. Плутарх пишет, что Помпей «издевался над Лукуллом за то, что тот, – хотя враг не был еще добит, – раздавал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны»³⁹. Очевидно, что проблема сводилась к размеру награды.

В этой связи необходимо обратить внимание на состав армии Лукулла в третьей митридатовой войне. В 74 г. он «двинулся из Рима с одним легионом, присоединив два других, бывших у Фимбрии, и к ним набрав еще два, всего имея 30 тысяч пехоты и около тысячи шестисот всадников»⁴⁰. Упомянутые два легиона Гая Флавия Фимбрии являются теми легионами, с которыми Цинна во время своего консульства в 86 г. направил своего товарища по консульству Флакка в Азию заменить Луция Корнелия Суллу на посту командующего римской армией. Перейдя в дальнейшем на сторону Суллы, оба легиона после завершения Первой митридатовой войны в 84 г. были оставлены им в провинции Азия. Таким образом, к началу третьей митридатовой войны в 74 г. оба легиона уже 12 лет находились на службе, а к моменту отстранения Лукулла срок службы солдат составил 20 лет. Между тем, эти легионеры, успев побывать под началом Суллы, знали о форме благодарности за службу сулланских ветеранов. Хотя, ввиду краткосрочного прохождения службы, сами они тогда были обойдены наделением земель, тем не менее, их ожидание аналогичного вознаграждения за службу выглядит вполне логичным и обоснованным. Кроме того, как мы покажем ниже, они знали, что солдаты, воевавшие под руководством Помпея против Лепида и Сертория, тоже были удостоены земельных наделов. Отсутствие ясности по вопросу обустройства после завершения службы главным образом питало недовольство солдат Лукуллом и толкало их все более открыто предъявлять свои претензии, вплоть до прямого отказа подчиняться приказам главнокомандующего. Складывалась патовая ситуация, в которую вынужден был вмешаться Рим. В 67 г. направленный в войска из Рима Глабрион объявляет⁴¹, что согласно постановлению сената солдаты, срок службы которых истек, были уволены из армии⁴², а имущество ослушников

³⁸ Plut. Luc. 34.

³⁹ Plut. Pomp. 38.

⁴⁰ App. Mithr. 72.

⁴¹ App. Mithr. 90.

⁴² Cic. De imp. Pomp. 26.

конфисковано⁴³. Речь, безусловно, шла о легионе фимбрианцев, которые, получив это известие, сразу же вознамерились покинуть службу. Лукулл унижительными уговорами не покидать службу добился от них согласия прослужить еще одно лето. По истечении и этого срока «они прокричали военный клич, помахали потехи ради мечами и покинули лагерь, заявив, что срок, в продолжение которого они обещали Лукуллу оставаться с ними, уже вышел. Между тем остальных солдат вызвал к себе письмами Помпей»⁴⁴. Как бы то ни было, легионы фимбрианцев подали пример для остальных солдат, которые к 66 г. находились на службе уже 8 лет, в отстаивании своих прав и актуализировали для них вопрос обустройства после службы. Возможно, Лукулл пытался создать базу для решения этого вопроса путем наведения порядка в обложении податями провинции, чем однако вызвал недовольство публиканов. К этому времени командовать армией и направляется Помпей.

Необходимо отметить, что за назначение Помпея агитировали не только в Риме, утверждая, что ему по силам быстро завершить войну, но и в армии Лукулла, возлагая на него, однако, несколько иные надежды (обязательства). Вот, что говорил Публий Клодий по поводу предполагаемого назначения Помпея: «То ли дело, продолжал он, солдаты Помпея [воевавшие против Лепида и Сертория]! **Они уже давно мирные граждане и живут со своими женами и детьми где-нибудь на плодородных землях или по городам**, а ведь им не пришлось загонять Митридата и Тиграна в необитаемые пустыни или ниспровергать азийские столицы, они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии! „Уж если, – завершал он, – **нам приходится нести службу без отдыха и срока, почему бы нам не побереечь остаток сил и жизни для такого вождя, который видит для себя высшую честь в обогащении своих солдат?**”»⁴⁵.

Здесь мы сделаем отступление от событий и рассмотрим, при каких обстоятельствах и каким образом Помпей решил ветеранский вопрос.

В своих рассуждениях мы будем исходить из того, что в поисках решения этой проблемы Помпей стремился действовать по аналогии. Исследуем этот вопрос исходя из трех составляющих: 1) что и 2) за счет каких ресурсов получали ветераны, а также 3) каким образом обеспечивалась легитимность всей процедуры. После чего, на основании сделанных выводов посмотрим, каким вариантам мог отдавать предпочтение Помпей исходя из сложившихся для него обстоятельств.

В 107 г. консул Гай Марий провел военную реформу, которая ввела добровольный принцип комплектования римской армии и узаконила дос-

⁴³ App. Mithr. 90.

⁴⁴ Plut. Luc. 35.

⁴⁵ Plut. Luc. 34.

туп к воинской службе малоимущих и несостоятельных граждан. Сам же Марий столкнулся с необходимостью наделения землей покидавших военную службу безземельных ветеранов. К этому времени общественные земли, предназначенные для распределения, формально не находились в использовании римских граждан, т.е. если гражданин и использовал участок, то только на правах аренды или откупа, и право частной собственности римского гражданина таким образом не нарушалось. Вопрос был решен в рамках законодательной процедуры, однако без кровопролития обойтись не удалось, так как шансов решить ветеранский вопрос с помощью сената не было. В 103 г. Сатурнин, в первый раз став народным трибуном, предпринимает неудачную попытку предложить аграрный закон, по которому наделялись землей ветераны Мария. Сатурнин и другой сторонник Мария Главций разворачивают движение, выступающее за увеличение роли народного собрания. В 101 г. они избираются, соответственно, на должности претора и народного трибуна 100 г. Избранный на тот же год народный трибун Ноний, открыто критиковавший марианцев и способный блокировать все их инициативы, был убит подосланной Сатурнином и Главцием толпой. На этот же год Марий избирается консулом, уже в шестой раз. «Шестого он домогался так, как другие не добиваются и первого; обхаживая для этого народ, он не только угождал толпе в ущерб достоинству и значению власти, но и старался быть мягким и снисходительным, вопреки собственной природе, лишенный этих свойств»⁴⁶. После того, как марианцы установили власть над магистратурами, Сатурнин внес в народное собрание законопроект о наделении ветеранов Мария упомянутыми выше землями. Отметим, что, осознавая всю сложность предпринимаемой аграрной реформы, сам Марий проявлял крайнюю неуверенность на публике: «честолюбие делало его робким на гражданском поприще, ропот толпы пугал его, присущие ему в битвах непоколебимость и стойкость покидали его в Народном собрании, и любой мог хвалой или хулой заставить его воспрянуть или пасть духом»⁴⁷. Для придания большего статуса закону сенаторы обязывались в течение пяти дней после утверждения его народом принести клятву в исполнении законопроекта. Большинство населения Рима отрицательно относилось к законопроекту. Поэтому в назначенный день для участия в голосовании в город были созваны ветераны, служившие под началом Мария. Несмотря на царившую на собрании атмосферу насилия и желание противников закона использовать все средства для его блокирования, вплоть до услышанного во время собрания грома, закон был утвержден. После этого Марий принудил сенаторов принести клятву повиноваться этому закону. Только Метелл, ярый противник Мария, отказался

⁴⁶ Plut. Mar. 28.

⁴⁷ Plut. Mar. 28.

принести клятву и вынужден был удалиться из Рима в изгнание. Казалось, дело сделано. Однако как только ветераны Мария покинули Рим, соотношение сил в городе поменялось. На выборах следующего года Сатурнин сохранил свой пост, тогда как Главций проиграл консульские выборы противнику проведенных реформ Гаю Меммию. Сторонники Главция убили Меммию. В ответ на это убийство сенат издал *senatus consultum ultimum*^{*} и поручил консулу этого года Марию арестовать заказчиков преступления. Сатурнин и Главций со своими сторонниками захватили Капитолий, однако, осажденные солдатами Мария, в надежде на его покровительство, сдались. В этой ситуации Марий «делал все, чтобы их спасти, но ничем не мог помочь, и едва они спустились на форум, как их тотчас убили»⁴⁸. Вот как Аппиан описывает их убийство: «Марий, в то время как все требовали немедленно же их казнить, заключил их в здании сената, чтобы как он говорил, расправиться с ними, придерживаясь закона. Но народ, считая все это уловкой, разобрал черепицу с крыши здания и бросал ее в сторонников Апулея [Сатурнина] до тех пор, пока не убили его самого, квестора, трибуна и претора, в то время когда все они еще были облечены знаками своей власти»⁴⁹. Оставшиеся в живых сторонники Сатурнина были изгнаны из Рима, а его законы отменены после возвращения из изгнания Метелла в 99 г. Таким образом, попытка легитимного решения ветеранского вопроса посредством законодательных полномочий народного собрания, предпринятая при Марии в 100 г., уже в следующем году легитимным же путем, в рамках действовавшего механизма власти, была отменена.

При Сулле, вышедшем победителем в кровопролитной гражданской войне, в условиях диктатуры и кровавых проскрипций под раздел между ветеранами были использованы земли римских граждан, воевавших против него, и земель италийских городов и областей, участвовавших в войне на стороне противника, особенно Этрурии и Кампании. Получив в 82 г. неограниченные во времени полномочия диктатора, Сулла одним волевым решением наделил сто двадцать тысяч ветеранов земельными участками. В принципе, для физической расправы над своими политическими противниками в Риме ему хватило бы и традиционных шестимесячных полномочий диктатора (в 87 г. Марий и его сторонники расправились со своими политическими противниками – сторонниками Суллы, вообще не прибегая к чрезвычайным полномочиям). Однако из марианского опыта решения ветеранского вопроса он извлек важный урок: недостаточно добиться принятия «аграрного» закона, необходимо также обеспечить его исполнение, а глав-

* По формуле «Да примут консулы меры, чтобы государство не потерпело ущерба», в период действия этого постановления сената консулы обладали чрезвычайными полномочиями, правом жизни и смерти.

⁴⁸ Plut. Mar. 30.

⁴⁹ App. I. 32-33.

ное, исключить риск его отмены. Вся сулланская конституция похожа на глубокоэшелонированную правовую преграду, исключающую возможность легитимного пересмотра осуществленного Суллой надела ветеранов конфискованными у римских граждан и союзных племен землями. Чтобы нейтрализовать возможности поредевшего из-за гражданской войны и прокрипций сената, он увеличивает в два раза его состав за счет лояльных сторонников. Для устранения угрозы от народных трибунов последним разрешается вносить в народное собрание только предварительно одобренные сенатом законопроекты. Что касается самого народного собрания, то (1) теперь ветераны были расселены намного ближе к Риму, чем в свое время ветераны Мария, что обеспечивало их участие в голосовании в нужный момент, а (2) в состав народного собрания Сулла включил, даровав свободу и право римского гражданства, свыше 10 тысяч рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам, чтобы иметь возможность пользоваться их голосами⁵⁰. В магистратурах он запретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора, он воспретил также занимать вновь ту же самую должность до истечения десяти лет. И наконец, по прошествии трех лет, после того, как ветераны освоились на новых землях, а созданная политическая конструкция приобрела целостный вид, для проверки устойчивости нового статус-кво без своего участия во власти, Сулла уходит в 79 г. в отставку.

Наиболее эффективным из упомянутых выше вариантов выглядит метод Суллы. Однако для Помпея этот путь имел существенные недостатки. Претензии Суллы в 82 г. на диктаторскую власть в условиях кровопролитной конфронтации с марианцами и смуты в государстве выглядели вполне обоснованными. В середине же шестидесятых годов в Риме не было достойной наделяния полномочиями диктатора угрозы. Неспровоцированная же узурпация власти (тирания) в Риме, если и позволяла осуществить надел землей ветеранов, была сомнительной с точки зрения необратимости предполагаемых достижений. В общем, как и предсказывал Сулла, «сделанное им не случится вторично»⁵¹.

Оставался, таким образом, только один путь, проделанный Гаем Марием, и который предполагал наличие своих людей на всех уровнях магистратур и среди народных трибунов. Вместе с тем, уже с начала I в. до н.э. в Италии не было достаточно свободных общественных земель, на которые можно было вывести ветеранов. Единственным выходом для бескровного решения ветеранского вопроса был выкуп необходимого количества земли для последующего ее распределения с помощью аграрного закона среди ветеранов.

⁵⁰ App. I. 100.

⁵¹ Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону. 1997. Т. 3. с. 115.

Таким образом, решение ветеранского вопроса Помпею обеспечивали (1) наличие достаточных финансовых ресурсов для выкупа земель, (2) контроль над магистратурами и поддержка народного собрания для принятия соответствующего аграрного закона, что в действительности произошло в 59 г. С учетом вышеизложенного, нас интересуют, прежде всего, события, которые происходили именно в период отсутствия Помпея в Риме.

О событиях в Риме

Существуют разные трактовки событий в Риме в 66-62 гг. Однако общим в исследованиях, да и источниках, является то, что в этих событиях исследователи не усматривают интересы и «руку» Помпея. Говорят об акциях, направленных против Помпея: аграрный закон Сервилия Рулла, заговор Катилины. Однако нигде не упоминается о деятельности партии Помпея, хотя всеми признается, что она обладала наибольшим влиянием в Риме. Ни по одному из вызвавших общественный резонанс событий не обнаруживается мнения Помпея или его явных сторонников. Согласитесь, несколько странно, что Помпей, имитируя войну на востоке, где он абсолютно не загружен активными военными действиями и вынужден основное свое время посвящать судебным разбирательствам, никак не проявляет себя в проработке решения ветеранского вопроса, ключ от которого находится в Риме.

В лаконичной форме сущность законопроекта Сервилия Рулла⁵², инициированного накануне 63 г., сводилась к следующему: (1) массовое наделение земель граждан и выведение колоний в Италии (2) комиссией из десяти человек – децемвирами (3) путем выкупа земель (4) за счет распродажи государственной земли в провинциях, в том числе приобретенных вследствие завоеваний Помпея, и всех доходов от новых податей, которые должны были поступать с завоеванных Помпеем территорий. Законопроект предусматривал наделение децемвиров поистине царскими полномочиями, распродаже могли подлежать практически все подконтрольные Риму земли вне Италии, при том, что децемвиры могли принудить любого собственника земли в самой Италии продать свой надел государству и заселить на выкупленные земли кого им заблагорассудится. Консул 63 г. Цицерон подверг инициативу Сервилия Рулла уничтожающей критике и добился ее отзыва. Необходимо отметить, что «Во всей исторической литературе выступление Цицерона против законопроекта Рулла расценивается как явно дружелюбный акт по отношению к Помпею; ведь этот законопроект всеми исследователями признается попыткой „отнять у Помпея любовь народа“: Красс и Цезарь – инициаторы проекта – проследуют якобы цель уничтожить Пом-

⁵² Сведения о содержании этого законопроекта дошли до нас благодаря сохранившимся речам Цицерона о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла.

пея, Цицерон, добившись провала проекта, этим оказал Помпею огромную услугу»⁵³.

Действительно, если исходить из непричастности Помпея к разработке законопроекта Рулла, то вывод о его направленности против Помпея выглядит естественным и справедливым. Именно этой позиции и придерживался Цицерон, когда критиковал законопроект: «... почти весь этот закон готовят, словно осадную машину, дабы уничтожить все могущество Помпея»⁵⁴. Однако мы полагаем, что аграрный законопроект был инициирован в интересах и с санкции самого Помпея, который должен был заниматься подготовкой к обустройству легионеров после завершения ими службы на Востоке.

В случае принятия законопроекта аграрная реформа должна была охватить период с 62 по 58 гг. – для ее проведения предусматривалось избрание на пятилетний срок комиссии из десяти человек – децемвират. Однако именно в это время из Азии с армией должен был вернуться Помпей и поставить в Риме вопрос о наделении своих ветеранов землей (что фактически и произошло). Если исходить из того, что законопроект был разработан без учета вполне прогнозируемого указанного обстоятельства, то его реализации был бы противопоставлен «оплот в лице Гнея Помпея»⁵⁵. Таким образом, мы можем утверждать, что если бы ветераны Помпея не смогли получить по закону Рулла земли, то и никто другой не смог бы реально претендовать на земельный надел по данному закону.

Кратко сформулируем требования Помпея к сенату после возвращения из Азии в 62 г.: наделение ветеранов землей и вывод колоний путем выкупа земли в Италии за счет новых податей, которые дадут завоеванные им на востоке земли. Сопоставляя по существу содержание заявленных требований Помпея и законопроекта Сервилия Рулла, мы видим, что возможности законопроекта были куда более шире и неопределеннее по сравнению требованиями Помпея, т.е. практическое решение ветеранского вопроса не выходило за рамки законопроекта Сервилия Рулла: отсутствие в законопроекте четкого перечня лиц или групп, которые должны были получать землю⁵⁶, допускает или, по меньшей мере, не отрицает возможность

⁵³ См. Гурвич П.Б. Цицерон и *Lex Servilia Agraria* // Вестник древней истории. 1949. № 2. с. 241.

⁵⁴ *Cic. de lege. agr. II. 50.* Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла, (К народу, 2 (?) января 63 г.).

⁵⁵ *Cic. de lege. agr. II. 25.*

⁵⁶ Касаясь распределения земель в Кампании, к которым «ни оба Гракха, проявившие такую большую заботу о благе римского плебса, ни Луций Сулла, без каких-либо зазрений совести раздававший все, кому хотел, не осмелились и прикоснуться», Цицерон говорит: «В январские календы я спросил его [Рулла], между кем и каким образом собирается он распределять эти земли. Он ответил мне, что начнет с Ромилиевой трибы. ... Если же Рулл ... думает удовлетво-

при его реализации наделять землей ветеранов Помпея, равно как и широкий перечень доходов в законе включал и предложенный Помпеем единственный источник – доходы с новых провинций.

Распространенным является мнение, что получателями земли по законопроекту Рулла должны были стать малоимущие граждане. Однако это утверждение спорно, так как из речи Цицерона не следует, что в законе ясно говорится о том, кто будет наделяться землей. С другой стороны, если бы чернь четко знала, что земельные наделы предназначены именно для нее, то возникает вопрос, почему закон не был принят, ведь вряд ли кто немотивированно отказался бы от возможности за счет государства получить бесплатную землю, а красноречие Цицерона не могло лишить права народного трибуна Рулла вынести законопроект на голосование народного собрания. «Чернь, которой гораздо удобнее было получать хлеб из государственных складов под римскими арками, чем в поте лица своего заниматься обработкой земли, встретила предложение Рулла с полным равнодушием»⁵⁷. С.Л. Утченко полагал, что оторванность городского плебса от земли послужила причиной отсутствия «достаточной заинтересованности»⁵⁸. Однако как бы ни была сильна «оторванность от земли», вряд ли кто-нибудь не воспользовался бы возможностью за соответствующее вознаграждение отказать от своих законных прав на распределяемую государством землю в пользу заинтересованного лица. Именно четкое осознание того, что земля «проплывет» мимо городского плебса, и предопределило отношение последних к проекту Рулла. Наверняка был конкретный слой населения, в интересах которого проводилось данное мероприятие. Если предположить даже равенство в распределении выкупленной, в том числе за счет военной добычи Помпея⁵⁹, земли, то при прочих равных условиях приоритет, безусловно, отдавался бы ветеранам.

Говоря о направленности закона против находившегося на Востоке Помпея, Цицерон в качестве главного довода приводит пункт о недопустимости избрания в децемвиры лица, отсутствующего в Риме⁶⁰: «Они [ини-

рять всех вас, пусть он это докажет, пусть разделит землю на наделы по десять югеров каждый и перепишет ваши имена». *Cic. de lege. agr. II. 79, 81.*

⁵⁷ Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону. 1997. Т.3. с. 178.

⁵⁸ Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. 1984. с. 60.

⁵⁹ Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. 1984. с. 59.

⁶⁰ « Те, которые подстроили все это, поняли, что, если вам предоставить право выбирать из всего народа, то всякое дело, требующее честности, неподкупности, мужества и авторитета, вы без каких бы то ни было колебаний передадите в ведение Гнея Помпея. Они понимали, что, коль скоро вы его одного выбрали из числа всех людей, чтобы ему поручить ведение всех войн со всеми народами на суше и на море, то – независимо от того, чем будет сочтено избрание в децемвиры, доверия ли признаком или почета, – надежнее всего будет доверить это дело и всего справедливее предоставить эти полномочия именно ему. Поэтому закон этот не предусматривает отвода ни ввиду молодости, ни в связи с каким-либо законным препятствием, или с какими-либо полномочиями, или государственной должностью, исполнение которой

циаторы законопроекта] думают, что войско Гнея Помпея, если оно питает какую-то надежду получить от него земли или другие преимущества, оставит его, увидев, что власть распределять все эти блага передана децемвирам»⁶¹. П.Б. Гурвич, убедительно опровергая этот вывод Цицерона, пишет: «На деле у Помпея в Риме было достаточно соратников, друзей, клиентов, так что это постановление его ничуть не задевало. В действительности проект исключил кандидатуры таких людей, как Л. Лукулл, Метелл Критский, Марций Рекс, Г. Писон, – всех злейших врагов Помпея. Эти лица находились около стен города, но считались отсутствующими в Риме, ибо ожидали разрешения на триумфальный въезд, которого они не могли получить из-за сопротивления сенаторов-помпеянцев»⁶².

С другой стороны, явилось бы избрание Помпея в децемвиры достаточным условием для поддержания закона Цицероном? Однозначно нет. Во-первых, если даже Цицерон не предположил бы его направленность против Помпея, что оратор использовал в качестве не главного, а усиливающего тотальную критику аргумента, он вряд ли отказался бы от высказанных многочисленных и весомых аргументов, характеризующих в его глазах закон как направленный, под видом раздачи земли, против свободы граждан⁶³.

Во-вторых, было бы преувеличением полагать, что Цицерон поддержал бы законопроект Рулла, если бы узнал, что он исходит от Помпея. Так, в начале 60 г. исходивший от Помпея Флавиев законопроект, предусматривавший наделение ветеранов землей, который был несопоставимо мягче и четче законопроекта Рулла, Цицерон назвал «не содержащим ничего угодного народу, за исключением автора»⁶⁴.

Возникает естественный вопрос: Почему Помпей открыто не выступил инициатором этого закона и в своем стремлении максимально нивелировать свой интерес в нем дошел до того, что Цицерон счел законопроект направленным против Помпея? Ответом является другой вопрос: Мог ли рассчитывать Помпей добиться принятия этого законопроекта, открыто обозначив свой интерес? Однозначно нет. В то время в Риме не было

сопряжено с другими занятиями и законными препятствиями; наконец, этот закон не исключает избрания в децемвиры человека, привлеченного к суду; именно Гнея Помпея отводит он, лишая его возможности быть избранным [в децемвиры] вместе с Публием Руллом (о других молчу). Ведь Рулл требует личного присутствия для заявления о соискании, чего никогда не было ни в одном законе, даже насчет тех должностных лиц, относительно которых установлен определенный порядок; цель этого – чтобы вы в случае, если закон будет принят, не придавали Помпея Руллу в качестве коллеги, который бы наблюдал за ним и карал его за алчность». Cic. leg. Agr. II. 23, 24. См. также: I. 9, 23, 24.

⁶¹ Cic. leg. Agr. II. 54.

⁶² Гурвич П.Б. Цицерон и Lex Servilia Agraria // Вестник древней истории. 1949. № 2. с. 248.

⁶³ Cic. de lege. agr. II. 16.

⁶⁴ Cic. Att. I. 19. 4. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.

могущественнее человека, чем Помпей, поэтому не удивительно, что «огромная власть Помпея тревожила граждан республики»⁶⁵. Помпей прекрасно знал об этом и должен был считаться с этой тревогой, поэтому вынужден был вести завуалированную игру, чтобы материализовать свое могущество в форме земельного закона Сервилия Рулла.

Известно, что к законопроекту Рулла и... заговору Катилины были причастны одни и те же люди: друг Катилины и коллега Цицерона, консул 63 г. Гай Гибрида Антоний, Марк Лициний Красс и Гай Юлий Цезарь поддерживали аграрный законопроект⁶⁶ и были соучастниками заговора⁶⁷. Если сложить существующую интерпретацию событий, то получается противоречивая картина: в 63 г. Красс и Цезарь инициируют аграрный закон, направленный против интересов Помпея, затем поддерживают Катилину, который пытается захватить власть накануне возвращения Помпея из восточного похода, однако оба эти начинания сталкиваются с непреодолимым препятствием в лице консула Цицерона, который защищал интересы Помпея. Но... впоследствии Цицерон признал, что будучи консулом он действовал под влиянием и по советам Лукулла⁶⁸, принужденного, напомним, в 66 г. передать пост главнокомандующего в войне с Митридатом Помпею.

В источниках Луций Сергий Катилина предстает самостоятельной фигурой. Между тем в карьере этого человека максимальным достижением было лишь преторство 68 г. и сомнительное участие в сулланских проскрипциях. Флор пишет, что «К преступной мысли погубить свою родину Катилину подвигли прежде всего страсть к роскоши, вызванное ею расстройство фамильного состояния, а также то, что римское войско [Помпея] тогда скиталось на краю света»⁶⁹. Однако в 63 г. заговорщики не могли не знать о завершении митридатовой войны, а значит, они должны были исходить из того, что скоро Помпей со своей армией должен вернуться в Италию. Намерения Катилины, если бы он действовал самостоятельно, выглядели бы нелогично: ведь до него Луций Корнелий Цинна, захватив в 87 г. вместе с Марием власть в Риме и обеспечив, таким образом, безраздельное властвование марианцев вплоть до возвращения Суллы с Первой митридатовой войны в 83 г., не смогли организовать должного сопротивления его опытной армии. «И если бы Катилина в первом бою взял верх или хотя бы сохранил равенство сил, то для государства это, конечно, было бы тяжким поражением, вернее, бедствием, и тем, кто достиг бы победы, нельзя было

⁶⁵ Cowell F.R. Cicero and the Roman Republic. L., 1948, p. 179.

⁶⁶ Cic. de lege. agr. II. 44; Plut. Cic. 12; Cras. 13; Suet. Caes. 11.

⁶⁷ App. II. 6, 21; Dio. XXXVII. 35; Plut. Cic. 12, 15, 20-21; Sall. Cat. 48.

⁶⁸ Cic. Acad. II. 3.

⁶⁹ Flor. II. 12. 1.

бы долее пользоваться ее плодами и более сильный отнял бы у них, усталых и изнемогших, власть и даже свободу»⁷⁰.

Если воспринимать Катилину как самостоятельную фигуру, стоящую во главе восстания, то с момента открытого обвинения Цицероном в подготовке заговора его действия выглядят не совсем логичными. Допустим, чтобы придать хоть какую-то легитимность своим действиям, он надеялся воспользоваться полномочиями вновь избранных трибунов на 62 г. Однако с тех пор, как Цицерон открыто выступил с обвинением, до вступления в должность новых трибунов оставалось более месяца. По идее он должен был идти ва-банк, тем более что в самом Риме он имел достаточно сил для этого. Однако он не изменяет сроки начала мятежа, и, ничего по сути не предприняв, вообще... удаляется из Рима. Шаг в целом не логичный для самостоятельного мятежника. Имея в городе сторонников, готовых с оружием в руках поддержать его, он, открыто предъявив свои требования, имел хоть какие-то шансы на успех. Без Катилины заговорщики тоже не спешат выступать, словно в ожидании каких-то указаний...

Между тем, заговор 63 г. был, собственно, второй попыткой Катилины по силовому захвату власти в Риме. Впервые он попытался предпринять заговор, опять же при поддержке Красса и Цезаря, в конце 66 – начале 65 гг., когда... Помпей после победы под Никополем был на грани победы над Митридатом и завершения войны, а значит скорого возвращения в Рим. Тогда действия заговорщиков также приобрели явный для сената характер. В тот же период времени Помпею удалось найти предлог для продолжения войны, а первый заговор Катилины тихо сошел на нет и до 63 г. заговорщики в плане незаконного захвата власти себя никак не проявили. Все эти годы, с 66 по 63 гг., Катилина почти ежегодно выдвигал свою кандидатуру на консульских выборах, но каждый раз неудачно, что, согласитесь, несколько не вписывает его в образ анархиста⁷¹.

Как видно, действия заговорщиков по времени совпадали с аналогичными по характеру событиями на митридатовой войне Помпея, а именно, с ожиданием его скорого возвращения в Рим. Логично предположить, что в обоих случаях успешная реализация заговора должна была стать необходимым условием для прихода к чрезвычайной власти (диктатуре)... самого Помпея, который должен был возвращаться с Востока с опытной армией.

Когда в октябре 63 г. наделенный чрезвычайными полномочиями Цицерон вызвал Катилину в сенат и потребовал от него сказать, что он сам думает о носящихся повсюду слухах о готовящемся заговоре⁷², тот поверг сенаторов в изумление загадочной для большинства фразой: «у государства

⁷⁰ Sall. Cat. 39. 4.

⁷¹ Моммзен Т. История Рима. Ростов-на-Дону. 1997. Т. 3. с. 172.

⁷² Cic. Mur. 51; Plut. Cic. 14.

есть два тела: одно – слабосильное, с некрепкой головой, другое – крепкое, но без головы; это последнее, если пойдет ему навстречу, не будет нуждаться в голове, пока он жив»⁷³. Если под крепким телом подразумевать Помпея во главе армии, под слабосильным – сенат и противодействующие скрытым начинаниям Помпея политические слои в Риме, то голова – будет означать власть. Таким образом, смысл его загадочной фразы сводится к следующему: в государстве есть два тела: (1) противодействующий планам Помпея сенат, обладающий властью, которая слаба, и (2) Помпей, стоящий во главе армии, но не обладающий властью, способной разрешить стоящие перед ним проблемы; если Катилина поднимет мятеж против государства и Помпей успеет выступить против него прежде, чем сенат расправится с ним, то он (Помпей) решит проблему с получением власти.

Следует отметить, что в 63 г. действия Цицерона были абсолютно адекватными с точки зрения поверхностного восприятия событий. Действительно, у консула, который не догадывался и не был посвящен в глубинные причины странного законопроекта Рулла, настойчивости Катилины в достижении власти, с обещаниями больших, но туманных, перемен, указанные попытки должны были вызывать вопросы, а при отсутствии вразумительных ответов – сопротивление. Другое дело, почему Цицерон, считавший себя другом и сторонником Помпея⁷⁴, как минимум не был поставлен в известность о стоявших перед Помпеем проблемах и его целях. Однако то, что Цицерон считал себя помпеянцем, вовсе не означало, что он так же воспринимался Помпеем.

Например при соискании Цицероном консульства 63 г. его брат в своих наставлениях писал: «если мы, как казалось, говорили в угоду народу, то мы делали это для привлечения на свою сторону Гнея Помпея для того, чтобы он, чье влияние так велико, относился к нашему соисканию дружественно или, во всяком случае, не был противником его»⁷⁵; «Осмотри также и подумай: раз ты с таким усердием отдался прославлению Гнея Помпея, относится ли к тебе кто-нибудь дружественно по этой причине?»⁷⁶; «Нужно также достигнуть того, чтобы все знали, что Гней Помпей относится к тебе чрезвычайно благожелательно и осуществление твоего из-

⁷³ Cic. Mur. 51. Речь в защиту Луция Лициния Мурены. (В суде, вторая половина ноября 63 г.).

⁷⁴ В 66 году Цицерон произнес речь в поддержку закона Габиния о предоставлении Помпею империя на войну с Митридатом. Cic. De imp. Pomp.; Свое же консульство оценивал как служение интересам Помпея: «первое место в государстве занимает Гней Помпей, достигший этого могущества и своей славы величайшими заслугами перед государством и самыми выдающимися подвигами, достоинству которого я способствовал с юных лет, а в бытность претором и консулом был его помощником». Cic. Fam. I. 9. 11. Публию Корнелию Лентулу Спинтеру, в провинцию Киликию. Рим, декабрь 54 г.

⁷⁵ Cic. Comm. pet. 5. начало 64 г.

⁷⁶ Cic. Comm. pet. 14. начало 64 г.

брания имеет огромное значение для его планов»⁷⁷. Как видно, Квинт полагал, что Помпей, которому Цицерон оказал поддержку, должен ответить оратору взаимностью, но, вместе с тем, взаимность Помпея не очевидна для избирателей. При этом в 62 г. Помпей демонстративно не отвечает на довольно подробное содержательное письмо Цицерона объемом с книгу о перепетиях заговора Катилины, а по возвращении из Азии не удосуживается хоть как-то прокомментировать деятельность Цицерона на посту консула, проделанную им в «защиту интересов» Помпея. Когда же, столкнувшись с угрозой суда за казнь катилинариев, «Цицерон в минуту опасности обратился за помощью к Помпею, последний даже не принял его»⁷⁸. Таким образом, в год своего консульства Цицерон, по меткому определению Брунта, скорее был «самоназначенным сторожевым псом» (self-constituted watchdog for Pompey)⁷⁹ Помпея.

О первом решении Помпеем ветеранского вопроса

Сулланская конституция, отменившая конструкцию государственной власти, сделавшей возможным принятие в 100 г. законопроекта Сатурнина, обеспечив всесилие сената, при игнорировании последним ветеранского вопроса, загоняла соискателей его решения в тупик, так как народное собрание не могло рассмотреть ни один законопроект без одобрения сената. Поэтому пересмотр корнелиевых законов, в пользу восстановления власти народных трибунов в полном объеме, был неизбежен уже для решения наделения земель участников войны против Сертория. Этот пересмотр и был осуществлен в 70 г. консулами, служившими под началом Суллы и слывшими сулланцами, ... Помпеем и Крассом. В этом же году был принят аграрный закон Плотия, наделявший ветеранов Помпея (участников подавления мятежа Эмилия Лепида и войны с Квинтом Серторием) землей. В этой связи следует подробно рассмотреть методы достижения Помпеем наделения земель первых своих ветеранов.

О пиратской войне

В данном контексте первой темой, которую мы затронем отдельно, является пиратство, которое распространилось по всему Средиземному морю в 70-х гг., т.е. в промежутке между возникновением первой ветеранской проблемы для Помпея в конце 80-х гг. и ее разрешением в 70 г. Прежде всего следует остановиться на общей характеристике пиратского движения. Отметим, что ни до, ни после пиратство на Средиземном море на протяже-

⁷⁷ Cic. Comm. pet. 51. начало 64 г.

⁷⁸ Plut. Pomp. 46.

⁷⁹ Brunt P.A. Social conflicts in the Roman Republic. L. 1971. p. 123.

нии всей истории не достигало масштабов пятнадцатилетнего отрезка времени конца 80 – начала 60-х гг. I в. Цибарт, Ормерод и Ростовцев объясняют усиление пиратства в рассматриваемый период прежде всего слабостью эллинистических держав, неспособных навести порядок на море⁸⁰. Опровергая их, Я.А. Ленцман доказывает, что «причина роста пиратства в это время кроется в следующем: несмотря на дезорганизацию, вносимую морским разбоем в нормальную экономическую жизнь, пиратство было всё же выгодным и даже необходимым рабовладельцам ведущих держав античного мира, прежде всего Рима. ... Своеобразие обстановки заключалось в тесном сплетении интересов пиратской верхушки отсталых племен, переживавших период разложения родового строя, с интересами рабовладельцев ведущей державы Средиземноморья – Рима»⁸¹. Заинтересованность Рима в пиратстве Я.А. Ленцман объясняет поставками последним рабов на продажу. Однако слабостью данного объяснения активности пиратов является то, что спрос на рабов существовал как до указанной активности, так и в еще большей степени возрос после нее.

Пиратство, наносящее ощутимый ущерб римской торговле и судоходству, начинает распространяться в условиях занятости Рима внешними и внутренними войнами. Сначала пираты промышляли на небольшом пространстве восточного средиземноморья, расположенном между Критом, Киреной, Ахайей и заливом Малеа⁸². Для их подавления в 78 г. в ранге проконсула Киликии был послан один из консулов 79 г. Публий Сервилий. За четыре года проконсульства ему удалось захватить опорные города пиратов и лишь рассеять их самих, не добившись окончательного решения поставленной задачи. После возвращения в 75 г. проконсула в Рим пиратство распространяется в еще больших масштабах по всему Средиземному морю, характеризуясь неожиданными набегами на острова и прибрежные города, в том числе Сицилии и Кампании. Специальным законом командующим флотом в борьбе против пиратов назначается Марк Антоний. Проведя неудачные морские операции, он неожиданно умирает, так и не добившись сколько-нибудь заметного смягчения пиратской проблемы. В 68 г. на острове Крит, ставшем к этому времени одним из оплотов пиратства, в решительную борьбу с ними вступает консул 69 г. Квинт Цецилий Метелл, прозванный позже Критским.

В 67 г. народный трибун Авл Габиний вносит на рассмотрение законопроект, предоставлявший Помпею командование флотом для борьбы с пи-

⁸⁰ E.Ziebarth, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs u. Seehandels im alten Griechenland, Hamb., 1929, стр. 20; H.Ormerod, The piracy in ancient world, Liverpool, 1924, стр. 122; Cambridge Ancient History, VIII, 524.

⁸¹ Ленцман Я.А. К вопросу об источниках эллинистического пиратства // Вестник древней истории. 1946. № 4. с. 228.

⁸² Flor. I. 41. 6. 3.

ратами, а также прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех прибрежных римских провинциях. Законопроект давал полководцу власть на всем Средиземном море, а также на суше на расстоянии четырехсот стадиев от моря, за исключением некоторых стран, признававших господство римлян. «Кроме этого, Помпей мог выбрать из числа сенаторов пятнадцать легатов в качестве подчиненных ему начальников на местах [обратим внимание, что обычно наместники не могли назначать легатов по своему усмотрению, подобное право принадлежало исключительно сенату, который, впрочем, почти всегда назначал легатов по желанию наместника. Несмотря на подобную традицию, Помпею было предоставлено право самостоятельно назначать легатов], брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из двухсот кораблей, причем ему было предоставлено право набирать как воинов, так и экипажи гребцов»⁸³.

О характере предстоящей войны Помпея против пиратов Аппиан пишет следующее: «Между тем, им представлялось большим и трудным делом уничтожить столько морских отрядов, так как они были разбросаны кругом по всей земле и морю и им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользнуть; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного, но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними была необычной, не имела ничего закономерного; ничего твердого или ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха»⁸⁴. Катулл, яростно противившийся предоставлению Помпею исключительных полномочий на борьбу с пиратами, в числе прочих доводов говорил в народном собрании: «По моему мнению, вы не должны упускать из виду то обстоятельство, что невозможно, чтобы один единственный человек смог руководить этой войной. ... Обстоятельства требуют от вас, чтобы борьба с пиратами велась во всех местах одновременно, чтобы они не смогли укрыться в не затронутых войной труднодоступных убежищах. Один единственный военачальник никоим образом не смог бы справиться с этим. В самом деле, как он мог бы воевать в один и тот же день в Италии, в Киликии, в Египте, в Сирии, в Греции, в Иберии, в Ионическом море и на островах? Чтобы получить некоторое преимущество над врагом, вы должны снарядить в поход большое число солдат и военачальников»⁸⁵.

В этих условиях Помпею удалось, казалось, невероятное: менее чем за три месяца (!) полностью ликвидировать пиратство на всем (!) Средиземном море. Сообщается, что это было достигнуто благодаря грамотной тактике. «Помпей разделил все Средиземное море на тринадцать частей; в

⁸³ Plut. Pomp. 25.

⁸⁴ App. Mithr. 93.

⁸⁵ Dio. XXXVI. 33.

каждой части он сосредоточил определенное число кораблей во главе с начальником»⁸⁶. Флор приводит следующие данные: «Поскольку он обладал в избытке как собственными кораблями, так и кораблями союзников-родосцев, он с помощью своих многочисленных легатов и командиров перекрыл вход как в Понт, так и в Океан. Геллий был поставлен в Тирренском море, Плоций – в Сицилийском, Атилий занял Лигурийский залив, Торкват – Баlearский, Тиберий Нерон – Гадитанский пролив, который первым открывает вход в наше море, Лентул Марцеллин – Ливийское море, сыновья Помпея – Адриатическое, Теренций Варрон – Эгейское и Понтийское, Метелл – Памфилийское, Цепион – Азиатское, а Порций Катон своими кораблями закрыл вход в устье Пропонтиды»⁸⁷. Пиратские корабли становились легкой добычей для римского флота, а те из них, которые избежали расставленных сетей, стали стекаться в Киликию, куда за ними и прибыл Помпей во главе 60 кораблей⁸⁸. Флор же сообщает: «Враги не отказывались от боя. Выяснилось, что их смелость была вызвана не уверенностью в себе, а тем, что они попали в тиски. Они не были способны к чему-либо большему, чем встретить первый удар. Едва увидев себя окруженными со всех сторон нашими рострами, они побросали оружие, весла и всеобщим хлопаньем в ладоши стали молить о пощаде»⁸⁹. Этой победой фактически завершается борьба Рима с пиратами и начинается наш анализ пиратства того времени.

Прежде всего, обращает на себя необычайная легкость и быстрота победы Помпея над противником, борьба с которым, по справедливому замечанию Аппиана, должна была быть нелегкой, и которого не смогли победить в течение предшествовавших десяти лет другие римские флотоводцы, которым пираты с успехом оказывали сопротивление. На следующий год после окончания пиратской войны Цицерон в своей хвалебной речи Помпею восторгался: «Кто мог подумать, что эта столь трудная, столь позорная война, ведущаяся уже давно, столь широко распространившаяся и охватившая самые различные участки, могла быть закончена всеми императорами в один год или же в течение всей жизни одним императором? ... О, бессмертные боги! Подумать только – необычайная, вернее, ниспосланная богами доблесть одного человека в столь короткое время могла принести государству такой яркий свет, что вы, недавно видевшие вражеский флот у входа в устье Тибра, не слышите ни об одном пиратском корабле даже перед входом в Океан? И с какой быстротой это было совершено! Хотя вы и сами это знаете, все же я в своей речи не должен об этом умалчивать. И в самом деле, **кто когда-либо, путешествуя по собственным делам или в**

⁸⁶ Plut. Pomp. 26.

⁸⁷ Flor. I. 41. 8-10.

⁸⁸ Plut. Pomp. 26.

⁸⁹ Flor. I. 41. 12-13.

погоне за наживой, мог в столь короткое время посетить столько местностей, совершить такие длинные переходы так быстро, как это под водительством Гнея Помпея делал наш военный флот? Не дождавшись удобного для мореплавания времени, Помпей посетил Сицилию, обследовал побережье Африки, оттуда во главе флота направился в Сардинию и защитил эти три житницы государства надежнейшими гарнизонами и флотами. Когда он оттуда возвратился в Италию, снабдив гарнизонами и кораблями обе Испании и Трансальпийскую Галлию и отправив корабли к берегам Иллирийского моря, в Ахайю и во всю Грецию, он обеспечил оба моря Италии сильнейшими флотами и надежнейшими гарнизонами. Сам он на сорок девятый день после своего выхода из Брундисия присоединил к державе римского народа всю Киликию. Все морские разбойники, где бы они ни находились, либо были взяты в плен и казнены, либо сдались ему одному, признав над собой его империй и власть. Критян, когда они прислали к Помпею и самую Памфилию послов с просьбой о пощаде, он не лишил надежды на возможность сдачи и потребовал от них заложников. Так, эту столь трудную, столь затяжную, столь далеко и широко распространившуюся войну, от которой страдали все племена и народы, Гней Помпей в конце зимы подготовил, с наступлением весны начал, в середине лета закончил»⁹⁰.

Несмотря на громкий успех, не известно, однако, ни об одном морском либо сухопутном сражении или каком-нибудь кровопролитии Помпея с пиратами. Флор вообще констатирует, что «ни одна победа не стоила нам так мало крови, а результатом было приобретение преданнейшего народа»⁹¹. Хотя, по мнению, например, понтийского царя Митридата, для тех же критян война должна была «окончит[ь]ся, только когда их истребят»⁹².

Предположим, что военные приготовления Помпея настолько впечатлили пиратов, что они осознали тщетность сопротивления римлянам. Но в такой ситуации логично было бы предположить, что определенная, если не большая, их часть решила бы на время свернуть свою деятельность, с тем, чтобы, когда активность Помпея на море спадет, спокойно вернуться к своему промыслу. Однако по завершении молниеносной пиратской войны Помпея пиратство сходит на нет.

Допустим, что основная часть флота пиратов была захвачена римскими кораблями, однако должны были оставаться опорные пункты пиратов, которые вряд ли могли бы быть сданы без сопротивления.

⁹⁰ Cic. De imp. Pomp. 31, 33-34.

⁹¹ Flor. I. 41. 14. Аппиан сообщает, что «Разбойников же в битвах [с пиратами] было убито и захвачено до десяти тысяч» (App. Mith. 96). Нам представляется, что в их составе было больше захваченных, нежели убитых: Плутарх говорит о двадцати тысячах плененных пиратов (Plut. Pomp. 28).

⁹² Sall. Hist. IV. 68. 12.

Казалось, что упомянутый чуть выше эпизод в Киликии, когда окруженные римским флотом пираты сразу же сдались на милость Помпею, позволяет утверждать, что пираты, осознав бесполезность всякого сопротивления, в массовом порядке решили отказаться от своего промысла. Однако пираты сдавались в плен не вообще, а именно Помпею – «ему одному, признав над собой его империй и власть»⁹³. Согласно Плутарху, в это же время Метелл на Крите, ставшем тогда «вторым после Киликии средоточием пиратских шаяк», захватил множество пиратов в плен, разрушил их гнезда и самих их велел казнить. Осажденная Метеллом оставшаяся часть пиратов отправила в Памфилию⁹⁴ к Помпею посланцев, «умоляя прибыть на остров, так как он-де является частью подвластной ему земли и во всех отношениях входит в определенную законом приморскую полосу»⁹⁵. Обратим внимание на осведомленность осажденных пиратов о такой подробности закона Габиния, которая позволила им апеллировать к подвластности осаждаемой Метеллом земли Помпею. В ответ на обращение пиратов Помпей письменно приказывает Метеллу прекратить войну, городам на Крите не подчиняться Метеллу и посылает туда претором одного из своих подчиненных Луция Октавия. Последний... присоединяется к осажденным пиратам и даже сражается вместе с ними против Метелла, который, однако, «не сдал командования; он захватил пиратов в плен и подверг их наказанию, Октавия же с оскорблениями и бранью отпустил из лагеря»⁹⁶.

Борьба самого Квинта Цецилия Метелла, консула 69 г., с критянами, о которой известно немного, также вызывает вопросы. В 69 г. критяне прислали в Рим посольство для заключения мирного договора. Римляне потребовали «выдать им Ластена, воевавшего с Антонием, передать все разбойничьи суда и всех пленников из римлян, которых они имели, дать триста заложников и заплатить четыре тысячи талантов серебра»⁹⁷. Когда критяне отказались выполнить предъявленные требования, против них был послан Метелл. Целых три года, до того как Помпей добьется сворачивания деятельности пиратов в Средиземном море, он будет сражаться с островитянами. По идее одним из итогов его борьбы должно было бы стать пленение и наказание упомянутого выше Ластена. Но в конце войны, когда борьба островитян потеряет всякий смысл, Метелл заключил с Ластеном договор, согласно которому последний передавал подконтрольные ему территории

⁹³ Cic. De imp. Pomp. 35.

⁹⁴ Cic. De imp. Pomp. 34.

⁹⁵ Plut. Pomp. 29. Об этом же свидетельствует Цицерон: «послы от союза городских общин Крита, хотя на их острове находился наш император [Метелл] с войском, приехали к Гнею Помпею чуть ли не на край света и заявили, что все городские общины Крита хотят сдаться именно ему» Cic. De imp. Pomp. 46.

⁹⁶ Plut. Pomp. 29.

⁹⁷ App. Sic. 6. 1.

римлянину, а взамен получал гарантии личной неприкосновенности⁹⁸. Таким образом, требования, предъявленные римлянами к критянам, после трехлетней войны Метелла так и не были соблюдены в полной мере.

Сообщается, что успех Помпея в немалой степени был обусловлен тем, что сдавшихся в плен пиратов он наделил землей⁹⁹. Решение выглядит эффективным для минимизации пиратства, но, по меньшей мере, неоднозначным, если не оскорбительным, для римских легионеров, сражавшихся против Митридата в Азии¹⁰⁰: первые, грабя римские суда и города, по завершении своего промысла получили от Помпея земельные наделы, тогда как вторые, а среди них были и те, кто находился на службе с 86 г., сражаясь и умирая за интересы Рима, не знали, во-первых, когда завершится их служба, во-вторых, смогут ли они рассчитывать на какое-нибудь материальное вознаграждение за свою службу.

Если за точку отсчета взять 74 г., когда Лукулл отправился на войну с Митридатом, а пиратство распространилось по всему Средиземному морю, то можно обрисовать удивительную картину. С одной стороны – киликиец, ставший пиратом, а с другой – римлянин, поступивший на службу в восточный легион. Первый участвует в нападении и разграблении римских городов и судов, второй воюет против Митридата. В 67 г. Помпей, мобилизовав огромные ресурсы, добивается легкой победы над пиратами, которые до этого активно сопротивлялись другим римским военачальникам. В результате поражения пират, воевавший против Рима и нанесший ему немалый урон, получает от Помпея земельный надел и оставляет свой промысел, а римский легионер на востоке продолжит свою походную службу еще четыре года, а потом еще четыре года будет ждать принятия закона о предоставлении ему в пользование земельного участка. Для азиатских легио-

⁹⁸ App. Sic. 6. 2.

⁹⁹ «Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испробовать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея приняли маленькие и безлюдные города Киликии, население которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами. Соны, незадолго до того опустошенные армянским царем Тиграном, Помпей приказал восстановить и поселил там много разбойников. Большинству же их он назначил местом жительства Диму в Ахайе, так как этот город, будучи совершенно безлюдным, обладал большим количеством плодородной земли» Plut. Pomp. 28;

Помпей «оторвал морской народ от моря, привязал его к внутренним полям, вернул земле ее людей и одновременно освободил море для кораблей» Flor. I. 41. 15;

«Тех же пиратов, которые, казалось, главным образом, не из-за злонравия, но вследствие вызванного войной недостатка средств жизни пошли на такое занятие, он поселил в Малле, Адане и Эпифании, а также и по другим городкам этой Суровой Киликии, которые остались без населения или с редким населением. А некоторых из них он послал в Димы в Ахайе» App. Mithr. 96.

¹⁰⁰ Плутарх сообщает, что «эти действия Помпея вызвали порицание со стороны завистников» Plut. Pomp. 29.

нов, которые выполняли свой воинский долг перед Римом, Помпей еще долгих восемь лет не сможет добиться выделения земельных наделов, а здесь пиратов, в течение двух десятков лет захватывавших и грабивших города и суда, он одним волевым решением наделяет землей и отпускает с миром.

Скоротечный характер войны Помпея с пиратами, когда последние, многие годы грабившие суда, стали сдаваться практически без боя, позволяет нам утверждать о наличии четкой координации между пиратами и даже их иерархической подчиненности. Подтверждение этому мы находим в источниках. О социальном составе пиратов Аппиан пишет, что «Люди, лишенные вследствие войны средств к жизни, оторвавшиеся от родины и впавшие в жестокую нужду, стали искать себе пропитания не на суше, а на море, вначале на легких разбойничьих судах и полуторках, а затем стали плавать уже на биремах и триерах, причем у них были разбойничьи военачальники, как в настоящей войне. ...Они имели ремесленников, насильно приставленных, и постоянно заготовляли лес, медь, железо, свозя все это вместе. Их дух поднимался от получаемой прибыли; уже не считая своего занятия разбоем, они приравнивали себя к царям и тиранам, считали себя большим военным лагерем и полагали, что, объединившись, они будут непобедимыми; они сами себе строили корабли и производили оружие»¹⁰¹; «доходы, обижаясь уже на прозвание пиратов, они [пираты] называли военным жалованьем»¹⁰². По Плутарху, «многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. ...Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла»¹⁰³.

Остается определить – кем или в чьих интересах осуществлялась координация деятельности пиратов. Для этого рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении частные эпизоды с участием пиратов.

Выше мы уже отметили, что, согласно Флору, пираты развернули свою деятельность по всему Средиземному морю после возвращения Публия Сервилия Исаврийского из Киликии, т.е. речь идет о событиях после 75 г. Плутарх пишет, что «засады, окружения, быстрая переброска отрядов Сертория [марианца, воевавшего в Испании] в любом направлении лишали врага возможности получать припасы по суше, а подвозу с моря Серторий препятствовал с помощью пиратов: их корабли блокировали побережье.

¹⁰¹ App. Mithr. 92.

¹⁰² App. Mithr. 94.

¹⁰³ Plut. Pomp. 24.

В результате римские полководцы были вынуждены разделить свои силы: один из них отошел в Галлию, а Помпей провел зиму в области вакцеев, страдая от нехватки припасов. Он писал сенату, что отведет из Испании войска, если ему не будут присланы деньги, ибо свое состояние он уже исчерпал во время прежней войны за Италию»¹⁰⁴. Однако в сохранившемся фрагменте 91 книги Тита Ливия приводятся следующие рассуждения Сертория о ходе предстоявшей борьбы с прибывшим из Рима Помпеем: «Сам же он [Серторий] не имел намерения идти против Помпея и не верил в то, что тот осмелится дать ему бой. Если война продолжится, то враг, имея за спиной море и подвозя отовсюду на кораблях продовольствие, будет держать в своей власти обе провинции; Серторий же, истратив в короткий срок заготовленные припасы, станет испытывать нужду в самом необходимом»¹⁰⁵. Как видим, никого намека на возможность противодействия снабжению войск Помпея и Метелла с помощью пиратов. Кроме того, А.В. Короленков обращает внимание еще на два факта: в письме Помпея [см. ниже] сенату жалоб на пиратов также не содержится, хотя вопрос о снабжении – в центре послания. Ничего подобного нет и в речи Гая Аврелия Котты в «Истории» Саллюстия; он сетует лишь на малочисленность грузового флота, а не на пиратов»¹⁰⁶.

Будучи еще в юном возрасте, во время поездки в 74 г. Юлий Цезарь был схвачен пиратами возле острова Фармакуссы. «Когда пираты потребовали у него выкупа в двадцать талантов, **Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен**, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. [...] он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их»¹⁰⁷. Словом, Цезарь вел себя так, что «вызывал у них [пиратов] и страх и уважение одновременно. Никогда, ни днем, ни ночью, он не снимал ни обуви, ни одежды, конечно, для того, чтобы изменением привычного облика не вызвать подозрения у тех, кто стерег его, не сводя с него глаз»¹⁰⁸. Как только прибыли выкупные деньги и Цезарь в обмен на них был освобожден, он, будучи частным лицом, возвращается с наскоро набранным флотом и разбивает пленивших его пиратов. Захваченные пиратские богатства Цезарь присвоил себе, а людей заключил

¹⁰⁴ Plut. Sert. 21.

¹⁰⁵ Liv. Per. XCI.

¹⁰⁶ Короленков А. В. Квинт Серторий: Политическая биография. СПб. 2003. с. 161.

¹⁰⁷ Plut. Caes. 1.

¹⁰⁸ Vell. II. 41. 3.

в тюрьму в Пергаме. Затем он направился в Вифинию к проконсулу Юнку для получения распоряжения о казни пленников. Однако последний выразил намерение продать их в рабство¹⁰⁹. Тогда Цезарь спешно возвращается обратно и приказывает распять плененных пиратов¹¹⁰. В 73 г. назначенный на жреческую должность Цезарь отплыл в Италию и, чтобы избежать встречи с пиратами, которые после вышеприведенного случая не преминули бы отомстить при первой же возможности, пересек очень широкий залив Адриатического моря на четырехвесельном судне вместе с двумя друзьями и десятью рабами. Во время плавания ему в какой-то момент показалось, что их нагоняют пиратские корабли. «Он разделся и привязал к бедру кинжал, готовясь к любому повороту судьбы, но вскоре понял, что это обман зрения: издали он принял деревья за мачты и реи»¹¹¹.

В истории с пленением Цезаря обращает на себя внимание не столько поведение Цезаря, сколько пиратов, которое диссонировало с их «самым наглым злодеянием»: «Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили»¹¹². Заносчивость пленника, а также тот факт, что Цезарь ранее служил при Сервилии Исаврике¹¹³, возглавлявшим в Киликии борьбу римлян с пиратами, по идее, обязывала пиратов к скорой расправе над ним. Однако этого не произошло.

Находясь в плену у пиратов, Цезарь говорил: «Какую радость вкусишь ты, Красс, когда узнаешь о моем пленении!»¹¹⁴. Чему мог радоваться Красс, когда было очевидно, что Цезарь откупится от пиратов? Наверное, какому-то случайному недоразумению.

Позже, в 72 г., когда Спартак во главе с армией рабов, преследуемый легионами Красса, отступил через Луканию, вышел к морю и обратился к киликийским пиратам за помощью в переброске двух тысяч человек на Сицилию с целью снова разжечь восстание сицилийских рабов, едва затухшее

¹⁰⁹ Vell. II. 42. 3. По Плутарху, Юнг, сославшись на свою занятость, откладывает рассмотрение вопроса (Plut. Caes. 2).

¹¹⁰ Vell. II. 42. 3; Plut. Caes. 2. Светоний сообщает, что Цезарь, «даже во мщении обнаруживая природную мягкость», приказал сперва заколоть пиратов и лишь потом распять (Suet. Caes. 74).

¹¹¹ Vell. II. 43. 2.

¹¹² Plut. Pomp. 24.

¹¹³ Suet. Caes. 3.

¹¹⁴ Plut. Cras. 7.

незадолго перед тем (достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой), пираты, условившись с предводителем рабов о перевозке и приняв дары, обманули его и ушли¹¹⁵. В свете беспрестанной борьбы Рима с пиратством, казалось, что их интересам отвечала поддержка восстания рабов¹¹⁶, но они предпочли поддержать Рим, нежели его противников, что, согласитесь, выглядит нелогично. В связи с этим эпизодом некоторые исследователи упоминают имя Гая Верреса, бывшего наместником Сицилии в тот период. Р. Этьен полагает, что организованная им оборона пролива не позволила пиратам выполнить взятые обязательства перед Спартак¹¹⁷. Г. Хёфлинг считает, что пиратов могла отпугнуть береговая охрана острова, устроенная Верресом, либо они были подкуплены римлянами¹¹⁸. По С.И. Ковалеву, берега острова усиленно охранялись, а пираты, возможно, были подкуплены Верресом¹¹⁹. На личности последнего остановимся подробнее.

О наместничестве Верреса

Наместничество Гая Верреса в Сицилии в 73-71 гг. отличилось беспримерным разграблением острова. В течение трех лет он так истерзал и разорил провинцию, что, по утверждению Цицерона, ее совершенно невозможно восстановить в прежнем состоянии¹²⁰. В 70 г. на основании Корнелиева закона о вымогательстве он был привлечен сицилийскими общинами к суду. Перечень предъявленных обвинений охватывал хищения, взяточничество, судебный произвол, превышение властных полномочий, оскорбление религии. Нанесенный Верресом провинции ущерб, предъявленный заявителями к возмещению, оценивался в 100 млн. сестерциев. Обвинителем на судебном процессе выступил Цицерон, речи которого являются основным источником по деятельности Верреса. Отметим, что именно после этого выигранного процесса, на котором он впервые выступал в роли обвинителя, Цицерон получил всеобщее признание талантливого оратора¹²¹.

¹¹⁵ Plut. Cras. 10.

¹¹⁶ И.Г. Гурин говорит о том, что «Пиратство I в., переживавшее в это время период необычайного могущества, имело важный аспект: политико-военное сопротивление римскому господству. Это было очевидно, и поэтому с пиратами пытались сотрудничать противники римского правительства». Гурин И.Г. Серторианская война (82-71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период гражданских войн. Самара. 2001. с. 46.

¹¹⁷ Этьен Р. Юлий Цезарь. / Пер. с фр. Э.М.Драйтовой. М. 2003. с. 61. «Из-за близости Италии Гай Веррес укрепил берега Сицилии» Sall. Hist. IV, fr 32.

¹¹⁸ Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима / Пер. с нем. М. 1992. с. 222.

¹¹⁹ Ковалев С. И. История Рима. Л. 1986. с. 406-407. По Саллюстию, «Из-за близости Италии Гай Веррес укрепил берега Сицилии» Sall. Hist. IV. 32.

¹²⁰ Cic. Verr. I. 12.

¹²¹ Plut. Cic. 7.

Не вдаваясь в подробности всех пунктов предъявленных обвинений, которые Веррес косвенно признал, заплатив 40 млн. сестерциев компенсации и удалившись в добровольное изгнание, обратим внимание на чрезмерную даже для тех времен расцвета среди провинциальных чиновников мздоимства и взяточничества сумму иска. С одной стороны, она равнялась половине годового дохода римского бюджета, составлявшего в мирное время 200 млн. сестерциев¹²². Вследствие длительных войн из Испании и Азии¹²³ налоговые поступления отсутствовали¹²⁴. Поэтому в действительности объем хищений Верреса был сопоставим с реальными доходами Рима. С другой стороны, требуемая к возмещению сумма более чем в два раза превышала доходы Рима с Сицилии за три года Верресовского правления¹²⁵.

Предъявление обвинения именно городскими общинами Сицилии позволяет нам утверждать, что в Риме недовольных деятельностью Верреса не было, и он на должном уровне справлялся с возложенными на него функциями по мобилизации финансовых ресурсов¹²⁶, а все награбленное в провинции было собрано сверх суммы, требуемой для отправки в Рим¹²⁷. По времени наместничество Верреса (73–71 гг.) совпало с ведением Римом войн «по всему миру»: Помпей воевал в Испании против Сертория, Лукулл – в Азии против Митридата, Курион и М. Лукулл – во Фракии, М. Антоний на Крите против пиратов, на территории самой Италии шла война со Спартаксом. Воюющие армии испытывали недостаток финансирования. Помпей открыто требовал с сената денег, Лукулл с трудом противостоял недовольству в своей армии, а Красс вынужден был употребить собственное богатство для финансирования набранных легионов. В этот период Сицилия относилась к тем немногим провинциям, на территории которых не велись

¹²² Plut. Pomp, 45.

¹²³ По оценкам американских исследователей доходы Рима с этих провинций должны были составлять, соответственно, 20-32 млн. сестерциев и около 56 млн. сестерциев. См.: An economic survey of Ancient Rome. Ed. by Tenney Frank, in collaboration with T.R.S. Broughton /a.o./ vol. I – Baltimore, The John Hopkins Press, 1933, p. 323.

¹²⁴ Cic. de lege. agr. II. 83. Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла, (К народу, 2(?) января 63 г.).

¹²⁵ Объем ежегодной дани с Сицилии в совокупности не превышал 4 млн. денариев или 16 млн. сестерциев. См.: An economic survey of Ancient Rome. Ed. by Tenney Frank, in collaboration with T.R.S. Broughton /a.o./ vol. I – Baltimore, The John Hopkins Press, 1933, p. 323.

¹²⁶ Об этом, кстати, говорил сам Цицерон спустя семь лет на другом судебном процессе: «Азия в течение многих лет, во время войны с Митридатом, вам доходов не приносила, с обеих Испаний мы, во времена Сертория, никаких податей не получали. Городским общинам Сицилии, во время войны с беглыми рабами, Маний Аквиллий даже дал хлеб заимообразно. Но из этой обложенной податями и налогами области мы никогда не получали дурных известий». Cic. de lege. agr. II. 83. Вторая речь о земельном законе народного трибуна Публия Сервилия Рулла, (К народу, 2(?) января 63 г.).

¹²⁷ Можно говорить о трёхкратном сборе Верресом средств с управляемой им провинции.

военные действия и на которые должна была лечь вся тяжесть финансирования военных расходов Рима. Очевидно, что в этих условиях Веррес не то чтобы без ведома, а без санкции ведущих военно-политической фигур Рима вряд ли в 73 г. рискнул приступить к откровенному разграблению Сицилии¹²⁸. Косвенно об этом свидетельствуют его собственные слова, приводимые Цицероном: «пусть боится тот, кто нагребил лишь столько, что этого может хватить ему одному, сам же он нагребил столько, что этого хватит многим»¹²⁹.

Остается вычислить лицо, с которым вел дела Веррес. Лукулл, выехавший в 74 г. на войну с Митридатом, в 73 г. пока еще не испытывал серьезных трудностей в войне. В это же время другая ключевая политическая фигура – Красс (Богач) еще не был назначен главнокомандующим для подавления восстания Спартака. Остается – Помпей.

Вплоть до 74 г. Помпей, воевавший с 76 г. против Сертория в Испании, регулярно обращался в сенат с жалобами на отсутствие финансирования и снабжения его армии¹³⁰. В отправленном в 75 г. письме сенату, приводимом Саллюстием, Помпей пишет: «Если бы я, действуя против вас, отечества и богов-пенатов, взял на себя столько трудов и подвергся стольким опасностям, сколько раз со времени моей юности под моим водительством были уничтожены ваши злейшие враги и вам даровано спасение, то вы, отцы сенаторы, не могли бы принять против меня постановление более суровое, чем то, какое вы теперь обсуждаете; ведь вы меня, несмотря на мою молодость брошенного на жесточайшую войну во главе войска с величайшими заслугами перед государством, осудили, насколько это зависит от вас, на самую жалкую смерть – от голода. На это ли надеялся римский народ, посылая своих сынов на войну? Это ли награды за полученные ими раны и за кровь, которую они столько раз проливали за государство? Устав писать вам и направлять к вам послов, я исчерпал все свои средства и свой кредит, а вы за это время, в течение трех лет, предоставили нам снабжение, какого едва ли хватило бы на год. Во имя бессмертных богов! Не думаете ли вы, что я могу заменить собой государственную казну и содержать войско, не выдавая ему ни зерна, ни жалованья? [...] положение моего войска и вражеского одинаково: ни тому, ни другому не платят жалованья; победив, и то и другое может прийти в Италию. Об одном предупреждаю и прошу вас: подумайте об этом и не заставляйте меня действовать поневоле, на свой страх и риск. Ближнюю Испанию, не занятую врагами, я или, во всяком случае, Серторий разорили дотла, кроме приморских гражданских общин, которые требуют дополнительных расходов и являются бременем для

¹²⁸ Выплаченной по итогам процесса Верресом в пользу сицилийцев компенсации в 40 млн. сестерциев хватило бы на выплату жалования 4,5 легионов в течение трех лет.

¹²⁹ Cic. Verr. 4. Речь против Гая Верреса. В суде, первая сессия, 5 августа 70 г..

¹³⁰ Plut. Pomp. 20.

нас. В прошлом году Галлия снабдила войско Метелла деньгами для уплаты жалованья и зерном, но теперь вследствие неурожая едва перебивается сама. Я же исчерпал не только свое имущество, но и свой кредит. Вы одни остаетесь у меня; если вы не придете мне на помощь, то наперекор мне – предсказываю – войско и с ним вся испанская война перейдут в Италию»¹³¹.

Сенат долгое время игнорировал обращения Помпея, однако в 74 г., когда война с Митридатом, «борьба с которым, казалось, обещала славу и легкую победу», стала неизбежной, домогавшийся командования на ней консул Лукулл, опасаясь, ввиду отсутствия денег, преждевременного возвращения Помпея с Испанской войны для отправки на Восток, быстро добился высылки денег с тем, чтобы лишить последнего повода для отказа борьбы с Серторием¹³².

Речь, скорее всего, шла о единовременной высылке денег, которых вряд ли хватило бы даже для частичного возмещения уже понесенных Помпеем расходов, не говоря уже о текущих и будущих расходах. Между тем в 74 г. солдаты, набранные еще в Пицене, служили под началом Помпея десять, а остальные – пять лет. Для их обустройства после отставки Помпею требовались деньги, а также власть, для достижения которой необходимо было располагать достаточной поддержкой в Риме, где для поддержания собственной клиентуры, продвижения нужных людей в магистратуры и, наконец, получения разрешения стать консулом, не пройдя необходимых должностей, принятия нужных законов во время своего консульства, в том числе аграрного, требовалось тратить немалые денежные средства.

После 74 г. отсутствуют сообщения о финансовых требованиях Помпея к Риму. С другой стороны, мы имеем сведения о беспрецедентных хищениях Верреса в Сицилии. Таким образом, мы приходим к выводу, что деньги, собранные Верресом в Сицилии, формировали «черную кассу» Помпея, за счет которой поддерживалось, а затем и усиливалось его политическое влияние. Веррес, будучи в курсе масштабов коррупции в Риме, и видя, каким образом Помпей, став консулом, достиг необходимых результатов, «во всеуслышание говорит о себе: он не без причины был жаден к деньгам, так как деньги – он видит это по опыту – очень сильное средство защиты»¹³³.

Если отрицать теневую связь между Помпеем и Верресом, то, по идее, в 70 г. их отношения должны были приобрести сугубо юридический характер отношений – обвинителя и обвиняемого. По крайней мере, Помпей, бывший на тот момент консулом, должен был открыто поддержать обвине-

¹³¹ Sall. Hist. II. 98.

¹³² Plut. Pomp. 20; Luc. 5.

¹³³ Cic. Verr. 8. Речь против Гая Верреса (В суде, первая сессия, 5 августа 70 г.).

ние, как сделал это впоследствии, в 61 г. *, ведь именно в то время, как Веррес грабил Сицилию, он, исчерпав собственные ресурсы, испытывал финансовые затруднения в ходе военной кампании. Будучи еще избранным консулом, в конце 71 г., выступая перед народной сходкой вне городской черты, Помпей говорил, что «ограблены и разорены провинции, а судебные приговоры выносятся позорные и гнусные, что он намерен обратить на это свое особое внимание и принять меры для устранения этого зла»¹³⁴. Однако в ходе процесса Помпей себя открыто никак не проявляет. Более того, защитником Верреса выступает Гортензий, избранный консулом на 69 г., который не мог не быть помпеем, так как после осуществленных в 70 г. реформ Помпей не мог допустить, чтобы консулами на следующий год были бы избраны нелояльные к нему и его реформам лица, которые должны были обеспечить выполнение принятых в консульство Помпея законов. Поэтому его участие в защите Верреса, а также помощь других сторонников Помпея, можно рассматривать как негласную поддержку бывшего наместника Помпеем.

Скудные подробности другого судебного процесса – над наместником Нарбонской Галлии Марком Фонтеем – проходившего, предположительно¹³⁵, в 69 г., подкрепляют наш вывод о разграблении Верресом Сицилии в интересах Помпея. Фонтей, как и Веррес, был наместником в 73-71 гг. и так же был привлечен населением управляемой провинции к суду по обвинению во взяточничестве, вымогательствах и хищениях. Основные наши выводы о задачах, стоявших перед наместничеством Верреса, совпадают с выводом Ф.Ф. Зелинского о мотивах совершенных Фонтеем противоправных действий: «Главное значение Нарбонской Галлии состояло тогда в том, что она была операционным базисом действий Помпея против Сертория в Испании. Но эта война требовала больших средств, а взять их было неоткуда: римская казна, как Цицерон нередко жалуется в Верринах, была истощена, эмиграция, против которой война собственно велась, сама ничего не имела, что же касается испанцев, то Помпей, желавший отвлечь их от Сертория, должен был их щадить. Поневоле пришлось требовать жестокой контрибуции с галлов и в форме контингентов, и в форме хлеба, и в форме денег, а

* Например, в конце 62 г. по пути в Рим с похода из богатой Азии, где он вообще не испытывал нужду в средствах, Помпей заявил, что «будет открыто настаивать на смещении Антония» (См.: Сис., Att. I, 12, 1. 1 января 61 г.) за злоупотребления по посту наместника Македонии. О роли Гая Антония в событиях 63 г. и после см. ниже.

¹³⁴ Сис. Verr. 45. Речь против Гая Верреса. В суде, первая сессия, 5 августа 70 г.

¹³⁵ Источником по этому делу является лишь сохранившаяся пятая часть Речи Цицерона за М.Фонтея. Время самого процесса, а также событий, по которым были предъявлены обвинения, можно определить лишь приблизительно. Мы будем ссылаться на хронологию, предложенную во введении Ф.Ф. Зелинского к Речи Цицерона. См.: Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 431-435.

Фонтей должен был взять на себя незавидную роль экзекутора. Законным основанием могли служить галльские мятежи; со всем тем возложенная на галлов обуза была столь тяжела, что они, по истечении срока наместничества Фонтея, отправились в Рим жаловаться»¹³⁶.

«В обязанности Фонтея входило поддержание спокойствия в тылах действовавшей в Испании армии, и роль, ему отведенная, была в этих условиях стратегически ключевой. Уже одно это отражало принципиальную разницу между положением Фонтея в Галлии и Верреса в Сицилии. К тому же Фонтей имел дело с воинственно настроенными племенами, а не с сицилийцами – людьми полисной цивилизации, знавшими, что такое коллективная нравственная ответственность, признававшими моральные нормы, внятные всем людям, достойным этого имени»¹³⁷.

Обвинитель Верреса, Цицерон, по аналогичному кругу обвинений на процессе Фонтея выступил в роли... защитника. Ф.Ф. Зелинский пишет, что: «Произнося свою защитительную речь за М. Фонтея в то время, когда впечатление обвинительных речей против Верреса было еще свежо, Цицерон должен был позаботиться о том, чтобы сопоставление этих двух процессов не дало неблагоприятных для него результатов»¹³⁸. В отличие от дела Верреса, Цицерон доказывает честность обвиняемого, тогда как показания галльских свидетелей обвинения подвергает сомнению из-за их (1) озлобленности на действовавшего по праву победителя и наместника Фонтея, (2) своеобразного отношения к религии, ставящего под сомнение их присягу, и (3) враждебности по отношению к Риму вообще.

«Главной точкой опоры для защиты – пишет Ф.Ф.Зелинский – были заслуги Фонтея, состоявшие в том, что он ревностно помогал Помпею в его войне с Серториумом; поэтому Цицерон в своей *narratio* говорит первым делом об этой войне и о косвенном участии в ней Фонтея, а затем уже переходит к действиям самого Фонтея в Галлии»¹³⁹. По желанию судей свидетелями защиты Цицерон готов был вызвать любого из армии Помпея, т.е. помпейца, бывшего на зимних квартирах либо проездом в Галлии в наместничество Фонтея: «Скажите судьи: если я представлю вам еще большее число честных людей, которые засвидетельствуют перед вами его доблесть и неподкупность, неужели и тогда стачка галлов одержит перевес в ваших глазах над единодушным свидетельством самых степенных людей? Вам известно, судьи, что, во время наместничества Фонтея в Галлии, сильные

¹³⁶ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 432.

¹³⁷ Грималь П. Цицерон. Пер. с фр. – М.: Молодая гвардия, 1991, с. 156-157.

¹³⁸ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 434.

¹³⁹ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 437, прим. 6.

войска римского народа находились в обеих Испаниях под командой его наиболее славных полководцев. Мало ли отправлялось к ним римских всадников, мало ли военных трибунов, мало ли именитых легатов? К тому же великое и отборное войско Гн. Помпея зимовало в Галлии в наместничество М. Фонтея. Как вам кажется, достаточно ли многих, достаточно ли надежных свидетелей и очевидцев поставила сама Судьба тем делам, которые происходили в Галлии при Фонтее? Скажите же теперь: кого можете вы избрать себе свидетелем для этого дела из этого столь громадного числа людей? Чье показание объявите вы заслуживающим доверия? Укажите нам его – и мы сами представим его как свидетеля защиты и хвалителя»¹⁴⁰. О возможном участии в процессе над Фонтеем самого Помпея может свидетельствовать следующий сохранившийся отрывок речи Цицерона: «Человек, одаренный всеми преимуществами, которые дает личная доблесть и доброе мнение сограждан; он, которого само божество оберегает в нашем государстве, чтобы его присутствие напоминало вам о доблести прежних времен»¹⁴¹.

Процесс против Верреса был инициирован подачей жалобы Цицероном, которому городские общины Сицилии поручили поддерживать обвинение. Первое поражение Веррес потерпел на стадии назначения обвинителя, которым стал Цицерон. Собрав в течение 50 дней в Сицилии достаточное количество свидетельств и доказательств вины Верреса, оратор возвращается в Рим. Защита Верреса избрала тактику затягивания процесса. Так как для следствия Цицерон потребовал 110 дней, в срочном порядке инициируется формальный процесс по привлечению к суду наместника провинции Ахайи со сроком следствия 108 дней. В результате всех проволочек судебные слушания по делу Верреса начались только 5 августа 70 г. Если бы не расторопность Цицерона, который вместо длинной речи ограничился несколькими короткими, процесс, из-за кстати проводимых по обету Помпея общественных игр с 16 августа по ноябрь 70 г., был бы прерван, а затем и отложен до следующего года, когда его рассматривал бы уже новый, реформированный, состав судей.

Перейдем к содержательной части предъявленных обвинений.

Во время наместничества Веррес в обмен на освобождение от уплаты повинностей поручил мамертинцам – италийцам, осевшим после завоевания Римом Сицилии в г. Мессана на северо-востоке острова – построить кибею, большой грузовой корабль¹⁴². Цицерон с возмущением восклицал: «зачем тебе понадобился корабль? Ведь если бы ты поехал куда-нибудь по делам государственным, тебе предоставили бы корабли на казенный счет и

¹⁴⁰ Cic. pro Font. 16.

¹⁴¹ Cic. pro Font. CC. Речь за М. Фонтея, 69 г.

¹⁴² Подробно см.: Cic. Verr. V. 43-59.

для твоей охраны и для переезда, а как частное лицо ты не можешь ни разъезжать, ни отправлять предметы морем из тех мест, где тебе нельзя иметь собственность. Затем, почему ты, в нарушение законов, вообще приобрел собственность? [...] неужели ты никогда не подумал о том, что это будет для тебя позором, преступлением, навлечет на тебя ненависть – постройка грузового корабля на глазах у всех в самом людном месте провинции, которой ты управляешь, обладая империей? Что, по твоему мнению, должны были говорить те, кто это видел? Что должны были подумать те, кто об этом слышал? Что ты отправишь в Италию корабль без груза? Что ты по приезде в Рим намерен стать судовладельцем? Ни у кого не могло появиться даже предположения, будто у тебя в Италии есть приморское имение и ты для перевозки урожая обзаводишься грузовым судном. Тебе, должно быть было угодно, чтобы всюду открыто пошли толки, будто ты готовишь себе корабль для вывоза своей добычи из Сицилии и доставки тебе похищенных предметов, оставшихся в провинции?»¹⁴³.

Вывод Цицерон был категоричным: «[...] ты получил от мамертинцев корабль незаконно; ты, нарушая договоры, предоставил им льготу. Таким образом, по отношению к одной и той же городской общине ты был бесчестен дважды: когда ты предоставлял ей льготу, какой не следовало предоставлять, и когда ты принял от нее то, чего нельзя было принимать. Ты должен был потребовать корабль для борьбы против морских разбойников, а не для перевозки плодов разбоя, для защиты провинции от ограбления, а не для доставки добра из ограбленной провинции. Мамертинцы предоставили в твое распоряжение и свой город, чтобы ты отовсюду свозил в него краденое добро, и корабль, чтобы ты вывозил его на нем; этот город был для тебя складом добычи; эти люди – свидетелями и укрывателями краденого; они подготовили тебе место для хранения краденого и средства для вывоза его»¹⁴⁴.

Для Цицерона остался в большей степени открытым вопрос: Куда вывозилось награбленное Верресом добро? «Корабль этот, нагруженный сицилийской добычей и сам составлявший часть этой добычи, ко времени отъезда Верреса прибыл в Велию с многочисленными ценностями и притом с такими, которые он не хотел посылать в Рим вместе с другими украденными им предметами, так как они стоили дорого и особенно нравились ему. Это судно, великолепное и прекрасно снаряженное, я сам недавно видел в Велии, судьи, и его видели многие другие; но всем, смотревшим на него, казалось, что оно уже предвидит свое изгнание и высматривает путь для бегства своего хозяина»¹⁴⁵. Однако вряд ли корабль был построен лишь

¹⁴³ Cic. Verr. V. 45-46.

¹⁴⁴ Cic. Verr. V. 59.

¹⁴⁵ Cic. Verr. V. 44.

для одного перехода. С другой стороны, едва ли награбленное могло незаметно, в том числе для Цицерона, вывозиться в Италию.

Напомним, что мы обратились к Верресу в связи с его предполагаемым исследователями участием в противодействии высадке восставших рабов с помощью пиратов на Сицилию.

Остановимся на отношениях Верреса с пиратами. Одна история касается скорее не захвата, а обнаружения груженого награбленным богатством пиратского судна под Мегаридой, недалеко от Сиракуз¹⁴⁶ – единственный, кстати, случай пленения пиратского судна за время наместничества Верреса.

Необходимо отметить, что этому случаю предшествовало ослабление военного флота, базировавшегося на острове. Цицерон говорил даже «о новом способе грабежа, впервые придуманном Верресом»¹⁴⁷. Согласно сложившимся правилам, городские общины предоставляли Риму оснащенные и укомплектованные командой военные корабли. Все необходимое для содержания флота (хлеб, жалование и прочее) капитаны кораблей (навархи) получали в распоряжение непосредственно от своих городских общин. За осуществленные расходы они отчитывались перед своими согражданами и несли ответственность за должное исполнение своих обязанностей. Веррес приказал всем городским общинам Сицилии деньги, предназначенные на содержание флота, выплачивать лично ему – с тем, чтобы ими распоряжался тот, кому он сам это поручит. Кроме того, он стал за определенную плату отпускать матросов со службы, а все жалование, причитающееся отпущенным, присваивать себе¹⁴⁸. Цицерон негодовал: «Нет, каков негодяй! Каково его бесстыдство, судьи! Какова его наглость! Назначить городским общинам денежные взносы в соответствии с числом солдат; установить определенную плату за увольнение матросов в отпуск – по шестисот сестерциев с каждого! Всякий, кто давал их ему, незаконно получал отпуск на все лето, а Веррес брал себе все деньги, полученные для уплаты жалования этому матросу и на содержание его. Так он получал двойную выгоду от предоставления отпуска одному человеку. И он, в своем безрассудстве, при таких дерзких набегах морских разбойников и при таком опасном положении провинции, действовал настолько открыто, что это знали даже разбойники, а вся провинция была этому свидетельницей»¹⁴⁹. Отметим также, что

¹⁴⁶ Подробно см.: Cic. Verr. V. 63-79.

¹⁴⁷ Cic. Verr. V. 60.

¹⁴⁸ Аналогичные по характеру претензии предъявлялись и М. Фонтею: «Было также высказано обвинение, что М.Фонтей наживался при постройке дорог, именно, что он за взятку освобождал от повинности строить пути и за взятку же принимал в казну неудовлетворительно построенные участки». Cic. pro Font. VIII.

¹⁴⁹ Cic. Verr. V. 62.

подобным образом Веррес поступал и по отношению к городским гарнизонам Сицилии¹⁵⁰.

Однако даже ослабленному таким образом флоту удалось задержать груженое пиратское судно. «В то время, когда, вследствие алчности Верреса, флот существовал в Сицилии только по названию, а в действительности это были пустые корабли, пригодные для того, чтобы возить претору награбленное им добро, а не внушать страх грабителям, все же Публий Цесций и Публий Тадий, плавая во главе отряда из десяти кораблей, лишенных половины экипажа, не столько захватили, сколько увели корабль пиратов с богатой добычей, можно сказать, обреченный либо на то, чтобы попасть в чужие руки, либо на то, чтобы пойти ко дну вследствие тяжести груза»¹⁵¹. Как только Верреса известили об этом, он тотчас же послал многочисленную стражу, чтобы ему доставили всю добычу в целости и притом по возможности скорее. По прибытии корабля в Сиракузы все ждали казни пленников. Но... Веррес казнил «только стариков и уродливых пленников», нескольких человек раздал своим писцам, сыну и когорте, шестерых певцов и музыкантов послал в Рим, в подарок одному из своих приятелей, а всех остальных взял себе. Однако... «самого архипирата [капитана пиратов], подлежавшего казни, никто не видел»¹⁵².

В связи с этим Цицерон обрушивается на Верреса с очередным потоком возмущения: «Вы знаете Верреса; вам известно обыкновение всех тех, кто берет в плен главаря разбойников или врагов, – как охотно позволяют они выставить его всем напоказ. Из всего многочисленного сиракузского конвента, судьи, я не встречал ни одного человека, который бы сказал, что видел взятого в плен архипирата, хотя все, по обычаю, как это водится, сбегались, расспрашивали о нем и желали его увидеть. По какой же причине этого человека скрывали так тщательно, что на него даже случайно никому не удалось взглянуть? Несмотря на то, что жившие в Сиракузах моряки, часто слышавшие имя этого главаря и не раз испытывавшие страх перед ним, хотели воочию увидеть его казнь, и насладиться видом его мучений, все же никому из них не дали возможности взглянуть на него.

Публий Сервилий один захватил живыми больше главарей морских разбойников, чем все его предшественники. Было ли когда-нибудь кому бы то ни было отказано в разрешении и удовольствии взглянуть на пирата, взятого им в плен? Напротив, где бы ни проходил его путь, он всем доставлял это приятное зрелище – вид связанных врагов, взятых в плен. Поэтому зрители стекались отовсюду, причем ради того, чтобы взглянуть на пленных, собиралось не только население тех городов, через которые их вели, но и

¹⁵⁰ Cic. Verr. V. 87, XXXIV.

¹⁵¹ Cic. Verr. V. 63.

¹⁵² Cic. Verr. V. 64.

жители всех соседних городов. А самый триумф Сервилия? Почему он был для римского народа самым приятным и радостным из всех триумфов? Ведь нет [ничего более сладостного, чем победа; но нет] более убедительного свидетельства о победе, чем возможность видеть, как связанными ведут на казнь тех, кто так часто внушал людям страх. Почему ты не сделал этого, почему ты так спрятал архипирата как будто взглянуть на него было бы кощунством? Почему ты не казнил его? По какой причине ты сохранил ему жизнь? Знаешь ли ты хотя бы одного архипирата, взятого в прошлом в плен и не обезглавленного? Назови мне хотя бы одного человека, на которого ты мог бы сослаться, представь мне хотя бы один такой пример. Ты сохранил жизнь архипирату. С какой целью?»¹⁵³.

Кроме того, что капитан пиратского судна не был казнен, Цицерона возмущало и то, как он содержался в плену. «Но продолжим; он предпочел, в виде новшества, держать главаря морских разбойников под стражей вместо того, чтобы обезглавить его, как все обычно поступали. В руках каких стражей был он и как его охраняли? Все вы слышали о сиракузских каменоломнях; многие из вас знают их; это огромное и величественное создание царей и тиранов; все они вырублены в скале на необычайную глубину, для чего потребовался труд многочисленных рабочих. Невозможно ни устроить, ни даже представить себе тюрьму, которая в такой степени исключала бы возможность побега, была бы так хорошо ограждена со всех сторон и столь надежна. В эти каменоломни даже и из других городов Сицилии по приказу доставляют государственных преступников для содержания под стражей. Так как Веррес ранее бросил туда многих узников из числа римских граждан, так как он приказал заключить туда же других пиратов, он понял, что если он заточит в ту же тюрьму подставное лицо, которым он хотел заменить архипирата, то многие люди будут разыскивать в каменоломнях настоящего предводителя пиратов. Поэтому он и не решился доверить его этой наилучшей и надежнейшей тюрьме; наконец, он побаивался Сиракуз вообще. Он отослал его – куда? Быть может, в Лилибей? Это я понял бы; но он все же побаивался жителей побережья. Нет, судьи, не туда. Тогда в Панорм? Это, пожалуй, было возможно. Впрочем, пирата, захваченного в сиракузских водах, надо было если не казнить, то, во всяком случае, содержать под стражей именно в Сиракузах. Нет, даже не в Панорм. Куда же? А куда бы вы думали? К людям, совершенно не знавшим страха перед пиратами и не имевшим представления о них, совершенно не знакомым с мореплаванием и с морским делом, – к центурипинцам, живущим в самой середине острова, превосходным земледельцам, которые никогда не боялись даже имени морского разбойника и, во время твоей претуры, страшились одного только Апрония, архипирата на суше. А чтобы всякий легко

¹⁵³ Cic. Verr. V. 65-67.

мог понять, что Веррес сделал это для того, чтобы подставному архипирату было и легко и приятно разыгрывать роль того, кем он в действительности не был, он и велел жителям Центурип быть возможно более щедрыми и не отказывать ему ни в хорошей пище, ни в других удобствах»¹⁵⁴. «Ты сохранил пирату жизнь. До какого времени? Пока ты обладал империем. На каком основании, по чьему примеру, почему так долго? Почему, повторяю, ты, тотчас же обезглавив римских граждан, взятых в плен пиратами, позволил самим пиратам так долго смотреть на солнечный свет? Но пусть будет по-твоему. Допустим, что ты был волен в своих действиях в течение всего того времени, пока обладал империем. Но как же ты, уже будучи частным лицом, уже будучи обвинен, уже, можно сказать, будучи почти осужден, решился содержать предводителя врагов в частном доме? Один, два месяца, наконец, почти год с того времени, как они попали в плен, пираты находились в твоём доме, пока этого не пресек я, вернее, Маний Глабрион, который, по моему требованию, приказал забрать их оттуда и заключить в тюрьму. Какое имел ты право на это, что это за обычай, имеются ли подобные примеры? Какое частное лицо, когда бы то ни было могло держать в стенах Рима, у себя в доме, жесточайшего и заклятого врага римского народа, вернее, общего врага всех племен и народов?»¹⁵⁵.

Загадочно распорядился Веррес и с пойманными пиратами: «Тем временем жители Сиракуз, люди опытные и догадливые, способные не только видеть то, что у них на глазах, но и подозревать то, что от них скрывают, изо дня в день вели счет пиратам, которых казнили. Сколько их должно было быть, они заключали на основании размеров захваченного корабля и числа его весел. Уведя к себе всех пиратов, которые были обучены чему-либо, или красивы, Веррес думал, что если он, согласно обычаю, велит привязать к столбам всех остальных одновременно, то народ поднимет крик, так как число людей, увезенных им к себе, намного превышало число оставленных. Хотя он из этих соображений и решил выводить их на казнь в разное время, все же при таком большом населении не было человека, который бы не вел точного счета пленникам и не только не замечал их недостатки, но и со всей настоятельностью не требовал их голов.

Так как недоставало большого числа пленных, то этот нечестивец начал заменять пиратов, взятых им себе, римскими гражданами, ранее брошенными им в тюрьму; одних римских граждан он выдавал за бывших солдат Сертория и говорил, что они бежали из Испании и высадились в Сицилии; других, захваченных морскими разбойниками во время поездок по морю по торговым или другим делам, он обвинял в добровольном соглашении с пиратами. Поэтому одних римских граждан влекли из тюрьмы к столбам

¹⁵⁴ Cic. Verr. V. 68-70.

¹⁵⁵ Cic. Verr. V. 76-76.

и на казнь, закутав им головы, чтобы не было возможности их опознать; другим, хотя многие римские граждане опознавали и все защищали их, тем не менее отрубали головы»¹⁵⁶.

После случая с поимкой пиратского корабля следует... уничтожение находившегося на Сицилии римского военного флота. Вот как разворачивались события в изложении Цицерона. «Поживившись столь крупной добычей – рабами, серебряной утварью, тканями [с пиратского корабля], – Веррес, однако, не стал более заботливо относиться ни к снаряжению флота, ни к созыву уволенных в отпуск солдат, ни к снабжению их продовольствием, хотя эти меры могли доставить не только покой провинции, но и добычу ему самому»¹⁵⁷. В самый разгар лета Веррес удалился на несколько дней развлекаться на берегу сиракузского Острова. Перед этим он заменил командовавшего римскими кораблями легата на сиракузца Клеомена. «С чего начать мне – восклицает по этому поводу Цицерон – с обвинений или с сетований? Сицилийцу предоставить полноту власти и почетные права, принадлежащие легату, квестору и, наконец, претору? Если сам ты был слишком увлечен попойками и женщинами, то где же были твои квесторы, где были легаты, ... наконец, где были твои префекты, твои трибуны? Если не было римского гражданина, достойного этих полномочий, то не нашлось ли бы его в городских общинах, неизменно остававшихся друзьями римскому народу и состоявших под его покровительством? Где была Сегеста, где были Центурипы? Ведь их сближают с римским народом не только взаимные услуги, верность, давность отношений, но и родство. О, бессмертные боги! Что же это значит? Если начальствовать над солдатами, кораблями и навархами этих, названных мной городских общин было приказано сиракузянину Клеомену, то не означает ли это, что Веррес уничтожил всякий почет, который по справедливости следует воздавать высокому положению и заслугам? Разве мы вели когда-либо войну в Сицилии, когда бы центурипинцы не были нашими союзниками, а сиракузяне – врагами?»¹⁵⁸.

Флот, «с виду превосходный флот, но слабый и беспомощный из-за отсутствия гребцов и бойцов, уволенных в отпуск», во главе в Клеоменом выходит из гавани Сиракуз. Когда корабли проходили мимо острова, на котором пировал наместник, которого не видели уже много дней, Веррес лично вышел на берег и проводил своих матросов. После пяти дней пути флотилия пристала к мысу Пахин, где матросы, томимые голодом, стали собирать корни диких пальм. Клеомен все это время беспробудно пьянствовал. Вдруг приходит известие, что к ним приближаются корабли пиратов. Римские корабли рассчитывали восполнить недостающую команду с помощью

¹⁵⁶ Cic. Verr. V. 71-72.

¹⁵⁷ Cic. Verr. V. 80.

¹⁵⁸ Cic. Verr. V. 83-84.

гарнизона, который должен был находиться у Пахина. Однако в гарнизоне оказалось слишком мало солдат, так как большая их часть за деньги была отпущена Верресом в отпуски. Несмотря на то, что команды кораблей выражали готовность сразиться с пиратами в открытом бою, Клеомен неожиданно снимается с якоря и приказывает остальным кораблям следовать за ним. Так как с корабля Клеомена было уволено меньше всего гребцов и солдат, его корабль очень быстро ушел в отрыв от остальных римских кораблей и едва не исчез из виду. Цицерон отмечает, что, не обратись Клеомен в бегство, у оставшихся была хоть какая-то возможность сопротивляться. «Дело в том, что один его корабль был палубным и настолько большим, что мог служить прикрытием для остальных; если бы он участвовал в бою с морскими разбойниками, он производил бы впечатление города среди пиратских миопаронов»¹⁵⁹. Однако теперь, покинутые командующим, римские корабли вынуждены были следовать за Клеоменом по направлению к Гелору. Так как команды были недоукомплектованы, а также истощены голодом, бегство было беспорядочным и корабли вытянулись в длинную цепь. Пираты успели захватить отставшие два корабля, тогда как остальные вслед за Клеоменом пристали к берегу Гелора и высадились. Главарь пиратов Гареклеон, «обязанный своей совершенно неожиданной победой не своему мужеству, а алчности и подлости Верреса»¹⁶⁰, приказал сжечь дотла прибитый к берегу римский флот. «О, неслыханная подлость и злодейство Верреса! В одну и ту же ночь, когда претор пылал позорнейшей страстью, флот римского народа пылал в огне, подожженный разбойниками»¹⁶¹.

Проведя ночь под Гелором, пираты демонстративно двинулись к Сиракузам. Цицерон красноречиво передает унижительность и беспрецедентность ситуации: «Сначала они подошли на своих кораблях к упомянутому мной месту летней стоянки претора, к той части берега, где Веррес, раскинув палатки, в течение трех дней разместил свой лагерь наслаждений. Найдя это место пустым и поняв, что претор уже снялся оттуда, они тотчас же, ничего не опасаясь, начали входить в самую гавань. Людям, незнакомым с этими местами, следует объяснить более подробно: когда я говорю „в гавань“, это значит, что пираты проникли в самый город и притом в его внутреннюю часть. Дело в том, что не город окружен гаванью, а, напротив, самая гавань со всех сторон опоясана городом, так что морем омываются не стены зданий на окраине города, а в самое сердце города проникают воды гавани. Здесь-то, в бытность твою претором, пират Гераклеон четырьмя небольшими миопаронами бороздил воды гавани, сколько ему заблагорассудилось. О, бессмертные боги! В то время как в Сиракузах находился носи-

¹⁵⁹ Cic. Verr. V. 89.

¹⁶⁰ Cic. Verr. V. 91.

¹⁶¹ Cic. Verr. V. 92.

тель империя римского народа и ликторы со связками, пиратский миопарон дошел до самого сиракузского форума и до всех набережных; а между тем сюда никогда не удавалось проникнуть ни господствовавшим на море и увенчанным славой флотам карфагенян, несмотря на их частые попытки во время многих войн, ни знаменитому флоту римского народа, до твоей претуры не знавшему поражений в течение стольких войн с карфагенянами и сицилийцами. Естественные условия здесь таковы, что жители Сиракуз внутри своих стен, в городе, на форуме увидели вооруженного и победоносного врага раньше, чем в гавани – какой-либо вражеский корабль. В бытность твою претором, суденышки морских разбойников сновали там, куда в давние времена ворвался, благодаря своей силе и численному превосходству, один только афинский флот в составе трехсот кораблей, но и он, ввиду естественных условий местности и гавани, именно здесь был побежден и разбит. Здесь впервые получило тяжкий удар и было сломлено могущество этого государства; именно в этой гавани, как принято думать, величие, владычество и слава Афин потерпели крушение.

А теперь пират проник туда, где у него, как только он вошел, не только с обеих сторон, но и сзади оказалась значительная часть города. Он прошел мимо всего Острова, одного из городов, образующих Сиракузы, носящего особое название и окруженного особыми стенами; в этом месте, как я, уже говорил, наши предки запретили селиться жителям Сиракуз, понимая, что те, кто будет занимать эту часть города, будут держать в своей власти гавань. И как вели себя пираты, разъезжая по гавани! Они бросали на берег найденные ими на наших кораблях корни диких пальм, чтобы все могли воочию убедиться в бесчестности Верреса и в несчастье, постигшем Сицилию. И сицилийские солдаты, сыновья земледельцев, чьи отцы своим трудом снимали с полей столько хлеба, что могли поставлять его римскому народу и всей Италии, они, родившиеся на острове Цереры, где, по преданию, впервые были найдены хлебные злаки, пользовались пищей, от которой их предки, найдя хлебные злаки, избавили всех других людей! Во время твоей претуры, сицилийские солдаты питались корнями пальм, а пираты – сицилийским хлебом! О, жалкое и прискорбное зрелище! Слава города, имя римского народа, множество честнейших людей были отданы на посмешище миопарону пиратов! В гавани Сиракуз пират справлял триумф по случаю победы над флотом римского народа, и беспомощному и бессовестному претору летели в глаза брызги от весел морских разбойников.

После того как пираты покинули гавань, – не из чувства страха, а когда им надоело находиться в ней, – все стали доискиваться причины такого страшного несчастья. Все говорили и открыто признавали, что нечего удивляться, если, после того как гребцы и солдаты были распущены, оставшиеся были истощены лишениями и голодом, а претор в течение стольких дней пьянствовал со своими наложницами, на город обрушились такой позор и

такое несчастье. Достойное всяческого порицания позорное поведение Верреса подтверждалось словами тех, кому их городские общины поручили начальствовать над кораблями, кто уцелел и, после потери флота, бежал назад в Сиракузы. Каждый из них говорил, сколько солдат, как ему было точно известно, было отпущено с его корабля. Дело было ясно, и Верреса избличали в его наглости не только доказательства, но и вполне надежные свидетели»¹⁶².

Примечательно, что уничтожившие островной флот и демонстративно вошедшие в гавань Сиракуз пираты не стали грабить город. Отметим, что хотя Орозий утверждает, что в ходе «мерзостной претуры» Г. Верреса «Сицилию ... истерзал грабежами и убийствами предводитель пиратов Пирганион, который, разбив римский флот, занял Сиракузский порт, [и лишь сменивший Верреса Метелл], заставил этого пирата уйти из Сицилии, разбив его в морском и сухопутном сражении»¹⁶³, в обвинительной речах Цицерона не приводится ни одного случая нападения пиратов на сицилийские города. Полагаем, что утверждение Орозия о разграблении Сицилии пиратами не соответствовало действительности, иначе Цицерон не преминул бы обвинить Верреса в неумении защитить остров от морских разбойников.

Интересна также публичная реакция Верреса на потерю римского флота. Поздней ночью, когда пришли известия о гибели флота, толпы народа стали собираться у дома претора. «Верреса попрекали его поведением на берегу, его отвратительными пирушками; толпа по именам называла его наложниц. Его во всеуслышание спрашивали, где он был и что делал столько дней подряд, когда его ни разу не видели; требовали, чтобы им показали Клеомена, которого он назначил императором»¹⁶⁴. Капитаны римских кораблей, на расспросы горожан, причину потери флота объясняли «увольнением гребцов, голодом среди оставшихся, трусостью и бегством Клеомена». Поначалу Веррес, созвав навархов, потребовал, чтобы они прекратили эти разговоры и дали перед судом показания, что команды кораблей были укомплектованы полностью и уволенных не было. Однако, поняв бесполезность этих мер, он решает привлечь всех их к суду и казнить за то, что «они сдали флот морским разбойникам». В то же время Клеомен, командовавший флотом, был избавлен не только от наказания, но даже от привлечения к суду. По замечанию Ф. Зелинского «Вся эта трагедия рассказана Цицероном с таким могучим красноречием – перевод может дать о нем лишь слабое представление – что производит на читателя поистине потрясающее впечатление. Тут все элементы грандиозного исторического романа: с одной стороны сладострастный и жестокий тиран с его развратным и трусли-

¹⁶² Cic. Verr. V. 96-101.

¹⁶³ Oros. VI. 3. 5.

¹⁶⁴ Cic. Verr. V. 94.

вым помощником, с другой стороны голодающие матросы, пожар флота, возмущение сиракузцев, обреченные на гибель невинные капитаны, их несчастные родители – как фон этой величественной картины вольная, веселая жизнь пиратов, которые при всей своей преступности внушают более симпатии к себе, чем законные начальники многострадальной страны. На наш взгляд в *crimen navale* [где Цицерон рассказывает о гибели эскадры, о появлении пиратов в сиракузской гавани, о неправом суде над безвинными капитанами и о их жестокой казни] заключается самое гнусное из всех преступлений Верреса»¹⁶⁵.

Если вернуться к истории с захватом пиратского судна и посмотреть, как распорядился судьбами ее участников Веррес, то мы увидим, что фактически жизнь большинства пиратов была сохранена путем их продажи в рабство и раздачи¹⁶⁶, а главарь пиратов вообще был спрятан от глаз народа, римские граждане же, снятые с пиратского корабля, а также капитаны римских кораблей, участвовавших в его задержании – казнены.

Цицерон блестяще восстановил картину преступного наместничества Верреса и красноречиво представил ее на суд общественности. Хотя в результате проделанной обвинителем работы Веррес и согласился возместить причиненный ущерб и удалиться в изгнание, однако слабой стороной проделанной, точнее незавершенной, очевидно, ввиду стеснения в сроках, работы обвинителя являются его попытки выявить мотивы, руководившие сицилийским наместником. Если в части, касающейся материального разграбления Сицилии, мотив личной наживы выглядит естественным, хотя приведенные выше доводы доказывают их поверхностность, то в части, касающейся обвинения Верреса в казнях, в том числе и римских граждан, этот недостаток становится наиболее очевидным. В частности, в речи о казнях Цицерон говорит: «Но чем же объяснить эту страсть к жестокостям, где искать причины стольких преступлений? Единственной причиной была возможность поживиться на особый, никем не испробованный лад»¹⁶⁷.

Во всей истории с архипиратом, где в первую очередь необходимо выявить мотив действий Верреса, Цицерон придерживался распространенного среди островитян мнения, что Веррес освободил главаря пиратов за деньги. Однако такая трактовка, на наш взгляд, ошибочна, так как едва ли сумма предполагаемого выкупа могла бы быть сопоставимой с объемом хищений Верреса на Сицилии, а речь, напомним, шла о десятках миллионов сестерциев, и заставила бы последнего пойти на то, чтобы, как определил

¹⁶⁵ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 347-348.

¹⁶⁶ Здесь уместно также вспомнить, что приблизительно в это же время проконсул Вифинии Юнк также отказал Цезарю в казни доставленных им пиратов и предлагал продать их в рабство (*Vell.* II. 42. 3).

¹⁶⁷ *Cic. Verr.* V. 145.

Цицерон: «вместо того, чтобы архипирата казнить, ты с явной опасностью для себя, оставил его в живых»¹⁶⁸, тем более, что Веррес, по его собственным словам, предвидел «обвинения в том, что он взял деньги и не казнил настоящего архипирата»¹⁶⁹. Как видно, Цицерон предполагал, что Веррес за взятку согласился заменить пойманного главаря пиратов подставным лицом. Однако тот факт, что даже предполагаемое подставное лицо не было казнено, позволяет нам усомниться в правдоподобности и этой версии: зачем было подменять архипирата, если казнь в любом случае не состоялась бы? Кроме того, если до сих пор Веррес просто грабил, но не убивал, то здесь он прибегает к казням, причем не пиратов, а римских граждан и капитанов римских военных кораблей.

Все это подводит нас к следующей версии: Веррес оберегал от посторонних глаз архипирата, потому что это было легко узнаваемое лицо (скорее всего, знатный римский гражданин), которое, не будь задержано судно, никак нельзя было заподозрить в пиратстве. В случае его раскрытия нежелательные подозрения о связях с пиратами со всеми вытекающими последствиями пали бы на куда более влиятельных римлян.

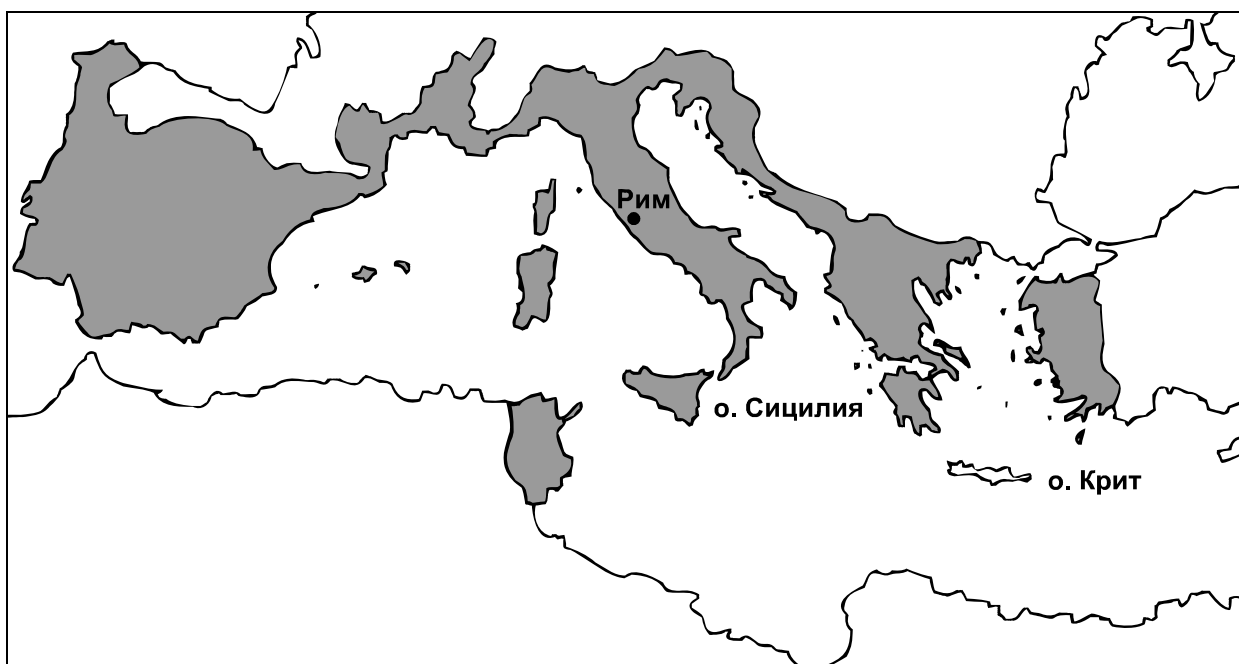

Рис. 1. Территория Римской республики в 80-70-хх гг. до н.э.

Выстраивая действия Верреса по отношению к военному флоту Сицилии в логическую цепь, мы получаем следующую картину. Сперва Веррес добивается ослабления островного флота, попутно наживаясь на этом. Затем флот случайно задерживает пиратское судно, нагруженное добычей. Веррес забирает добычу себе, а главаря судна укрывает от посторонних

¹⁶⁸ Cic. Verr. V. 78.

¹⁶⁹ Cic. Verr. V. 73.

глаз. После этого командующим ослабленного римского флота он назначает сиракузца и приказывает выйти в море, где римские корабли, встретившись с пиратской флотилией, даже не попытавшись сопротивляться, беспорядочно отступают назад и становятся легкой добычей пиратов. Флот Сицилии, таким образом, полностью уничтожается пиратами. Между тем, географическое положение Сицилии позволяет утверждать, что киликийские пираты могли развернуть свою деятельность в западном средиземноморье в таких масштабах, чтобы с целью наживы длительное время наносить существенный урон морской торговле в этой части моря и совершать набеги на прибрежные города западной Италии, в том числе под боком Рима в Кампании, только при отсутствии военного флота римлян на Сицилии. Последнее, как мы увидели, было достигнуто благодаря целенаправленным усилиям Верреса.

Добавив к этому и наш вывод о разграблении Верресом Сицилии в интересах Помпея, а также странно быструю победу Помпея над пиратами в 67 г., мы можем говорить, что на определенном этапе Помпей вступил во взаимовыгодные отношения с пиратами. Интересно, что пиратство вновь распространилось на море в 40-х гг. под предводительством ... Секста Помпея, сына Помпея Великого. Флор с иронией замечает: «Какой контраст между ним и отцом! Отец истребил киликийцев [пиратов], сын занимался пиратством»¹⁷⁰, а Веллей Патеркул пишет: «И он [Секст Помпей] не стеснялся пиратскими злодеяниями нарушать спокойствие на море, которое было освобождено от них оружием и военным искусством отца!»¹⁷¹.

Возвращаясь к личности архипирата, в первую очередь следует выяснить, что могло делать нагруженное богатой добычей пиратское судно у восточного побережья Сицилии. Учитывая ограниченный ресурс автономного плавания античных кораблей, можно утверждать, что в то злополучное для себя плавание пиратский корабль не участвовал в захвате кораблей или набеге на прибрежные города, а просто перевозил ранее накопленную добычу. В противном случае «неостывшие» подробности о недавнем захвате или набеге, ставшем источником богатой добычи для пиратов, стали бы известны от команды корабля или их пленников, т.к. «те, кто возвращается из открытого моря, сообщают выходящим из гавани все подробности и о бурях, и о морских разбойниках, и об опасных местах»¹⁷², а Цицерон не преминул бы красноречиво изложить их в своей подготовленной речи. Таким образом, корабль принял большой груз добычи на одной из баз пиратов. Говоря о курсе следования этого корабля, можно утверждать, что вряд ли судно могло принять груз на западе (как было установлено выше, до ли-

¹⁷⁰ Flor. II. 18. 2.

¹⁷¹ Vell. II. 73. 3.

¹⁷² Cic. pro Murena. 4.

квидации римского военного флота на Сицилии пираты не могли бы создать базы в западной части Средиземного моря) и двигаться на восток к пристанищу киликийских пиратов. Скорее всего судно было нагружено товаром на одной из восточных баз пиратов и держало курс на северо-запад средиземноморья. Можно утверждать, правда, что судно было отнесено к Сицилии ветром либо течением, однако случайным, на наш взгляд, стала поимка этого судна, а не курс его следования.

После того, как Веррес удалился в добровольное изгнание, наши сведения о нем практически обрываются. Известно лишь то, что спустя 27 лет после «дела Верреса» триумvir Марк Антоний внес его имя наряду с Цицероном и другими римлянами в проскрипционные списки. Если враждебное отношение Антония к Цицерону и многим другим проскрибированным политическим противникам было в то время очевидным, то включение в этот список Верреса выглядит странным, так как последний никакого участия в политической жизни Рима не принимал – отсутствует даже намек на это. Сообщается, что Веррес был внесен в проскрипционные списки из-за имевшихся у него ценных ваз, которые хотел заполучить Марк Антоний¹⁷³. Однако странно, что Марк Антоний в разгар стремительно развивающихся событий, последовавших после убийства Юлия Цезаря, в которых он принимает непосредственное участие, получив возможность вносить фамилии в проскрипционный список, вспомнил о каких-то вазах, принадлежащих изгнанному более четверти века назад римлянину, о котором с тех пор никто и ничего не сообщает.

Наверняка речь может идти только о личной мести Марка Антония Верресу. Если попытаться искать мотивы среди известных нам фактов, то, с учетом того, что будущему триумвиру в период суда над Верресом было всего 13 лет, единственной зацепкой для нас станет отец Марка Антония, тоже Марк Антоний, претор 74 г. О нем известно немного. Плутарх характеризует его следующим образом: «человек не слишком видный и мало чем прославившийся на государственном поприще, но великодушный, честный и щедрый»¹⁷⁴. Примечательно, что в вопросе о манипуляциях с ценами на хлеб, подлежащий обязательной продаже сицилийцами для пополнения римских продовольственных запасов, Веррес во время суда пытался ссылаться на пример М. Антония¹⁷⁵. В 74 г. сенат, предоставив беспрецедент-

¹⁷³ Cicero and the fall of the Roman Republic by J.L.Sctrachan-Davidson. L., N.-Y. 1927, p. 57.

¹⁷⁴ Plut. Ant. 1.

¹⁷⁵ «Или ты хочешь указать мне, какую оценку давал хлебу и как требовал за него деньги М. Антоний. „Да”, говорит он, „я хочу указать на Антония”, – так, ко крайней мере, можно толковать его одобрительный кивок. Значит, из числа всех пропреторов, консулов и полководцев ты выбрал для подражания одного М. Антония, а изо всех действий Антония именно самое гнусное! Но в данном случае для нас нисколько не затруднительно следующее признание, громкое – для меня, молчаливое – для наших судей: М. Антоний, имея неограниченную власть, вел себя так, что для Верреса гораздо опаснее в некрасивом деле ссылка на

ные полномочия, поручил М. Антонию борьбу с пиратами. Известно лишь только, что в ходе нее была предпринята неудачная попытка нападения на Крит. «Он предпринял поход против Крита, который был тогда самостоятельным государством и был позорно разбит; в насмешку его прозвали М. Антонием Критским. Вскоре затем он скончался, не будучи в состоянии вынести позора»¹⁷⁶.

Выше мы отметили, что для борьбы с пиратами Помпей, на основании закона Габиния, получил колоссальные полномочия. Однако «такое же решение было принято семью годами ранее применительно к претору М. Антонию»¹⁷⁷. О неограниченной власти М. Антония также свидетельствует Цицерон¹⁷⁸. Конечно, вряд ли М. Антоний в 74 г. мог располагать тем объемом средств, которые получил в 67 г. Помпей и поэтому неудивительно, что «в отношении Антония это [назначение] восприняли равнодушно»¹⁷⁹. Однако, если принимается такого рода специальный закон для борьбы с пиратами, то логично предположить, что ответственному за его выполнение было предоставлено право мобилизации всего военного флота. Мы полагаем, что для получения этого права, собственно, и принимался в 74 г. закон, так как в противном случае миссия по борьбе с пиратами могла бы быть возложена на одного из проконсулов из западных провинций, по примеру борьбы с пиратами проконсула Сервилия Исаврийского, который вроде неплохо с нею справлялся.

Марк Антоний, мобилизовав, скорее всего, весь имевшийся на средиземноморье римский военный флот, начал операцию не собственно против пиратов, а... напал на остров Крит, где потерпел сокрушительное поражение. Вот собственно и все, что известно о боевых операциях Марка Антония против пиратов. Позже, в 69 г., покорение острова было поручено Метеллу, который смог справиться с поставленной задачей вместе с Помпеем в 67 г. В рамках войны с пиратами борьба за Крит выглядит несколько странной. Страбон об острове пишет: «Что касается Крита, то все писатели

пример М. Антония, чем было бы выраженное в его защите сознание, что он в своей жизни никогда не брал образцом себе М. Антония! Подсудимые ссылаются обыкновенно при защите не на то, что делали другие, но на то, чем они заслужили себе похвалу. Что же касается Антония, то он много дурного сделал, много намерен был сделать в ущерб и союзникам, и производительности провинций, но смерть застигла его среди его несправедливостей и грабежей; а ты защищаешь своего клиента, ссылаясь на пример М. Антония, – как будто сенат, народ и суд одобрил все его поступки и намерения!» *Cic. Verr. III. 213.*

¹⁷⁶ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 102. прим. 28.

¹⁷⁷ *Vell. II. 31. 3.*

¹⁷⁸ «Они [сицилийцы] перенесли даже тот памятный для них год [80 г., наместничество Лепида], в который их так угнетали, что они едва остались в живых, если бы неисповедимый рок не послал бы к ним М. Марцелла для того, чтобы сицилийцев спас вторично член той же фамилии; после этого им дала знать себя неограниченная власть М. Антония». *Cic. Verr. II. 8.*

¹⁷⁹ *Vell. II. 31. 3.*

согласны с тем, что в древности остров имел хорошие законы и что лучшие из греков, в первую очередь лакедемонцы, стали в этом отношении его подражателями»¹⁸⁰. Удивительно, что остров, ставший одним из древнейших очагов цивилизации, на котором, например, находился г. Кидония, «мать городов», как обычно ее называют греки¹⁸¹, стал по высказыванию Плутарха «средоточием пиратских шаек»¹⁸². Отметим, что данное выражение Плутарх применил в контексте борьбы за остров Метелла, т.е. применительно к 69 г. Тогда как ко времени нападения на остров Марка Антония среди источников нет однозначных свидетельств об участии критян в пиратстве, либо игнорировании интересов Рима: все строится на предположениях. «Критскую войну, если говорить начистоту, – свидетельствует Флор¹⁸³, – возбудила лишь страсть победить знаменитый остров. Казалось, что он поддерживает Митридата; за это решили отомстить оружием». Аппиан добавляет: «говорилось, что во время его войны с римлянами они посылали ему наемников. Считалось достоверным также, что критяне из расположения к Митридату содействовали морским разбойникам, наводнявшим тогда моря»¹⁸⁴. Только Страбон, и то по традиции без привязки к дате, говорит об участии критян в пиратстве, но под влиянием... тирренцев – выходцев из Этрурии, итальянской провинции: «критяне унаследовали от тирренцев занятие морским разбоем. Впоследствии их разбой прекратили киликийцы. Всех, однако, одолели римляне, которые завоевали Крит и разорили разбойничьи крепости киликийцев»¹⁸⁵. Из этих слов Страбона можно сделать вывод, что в дальнейшем остров перешел под контроль киликийских пиратов, которые создали на нем свои базы, а сами критяне, отстраненные от морского разбоя, оказались в положении побежденных на собственном острове.

Со слов Плутарха напрашивается вывод, что Марк Антоний умер, не вынеся позора поражения от критян. Однако данный вывод не находит подтверждения у Флора, который дает нам более подробное (наиболее подробное из имеющихся источников) описание событий войны против критян и вообще ставит под сомнение вину критян перед Римом, а, следовательно, и их предполагаемые связи с пиратами: «Марк Антоний, первым вторгшийся на остров, был так уверен в победе, что вез на кораблях больше оков для пленных, чем оружия. И поплатился за свою опрометчивость, ибо враг перехватил много кораблей. Критяне привязали тела пленников к парусам и якорным канатам и на манер триумфаторов полным ходом вернулись в

¹⁸⁰ App. Sic. VI. 1.

¹⁸¹ Flor. I. 42. 4.

¹⁸² Plut. Pomp. 29.

¹⁸³ Flor. I. 42. 1.

¹⁸⁴ App. Sic. VI. 1.

¹⁸⁵ Strabo. X. 4. 9.

свои гавани»¹⁸⁶. О смерти Марка Антония, связанной с позором поражения от критян, Флор вообще ничего не сообщает, хотя если бы такая связь существовала, то наряду с описанием судьбы римских пленников он, наверное, не преминул бы сообщить о ней. Если же исходить из предполагаемого нами преднамеренного ослабления контроля Рима над морскими торговыми коммуникациями, чему в решающей мере способствовало рассматриваемое морское поражение у Крита, то вряд ли Марк Антоний должен был испытывать смертельный позор от проделанной работы. Если допустить, что причину его смерти следует искать в увязке с рассмотренным выше, то можно предположить, что он вошел в сговор с пиратами и взялся доставить часть награбленной ими добычи Помпею. Если исходя из этого также предположить, что во время очередного или даже первого рейда его судно, на котором находились также и пираты, было случайно схвачено у Сицилии римской островной флотилией, то мы получим ответы на многие возникшие выше вопросы. Это объясняет, почему Веррес, как только ему сообщили о захвате пиратского грузового судна, сразу же прибыл на место и приказал срочно оцепить причал. Это объясняет, почему Веррес так настойчиво и упрямо скрывал от посторонних глаз главаря пиратского корабля – Марка Антония. Это объясняет, почему были казнены римские граждане, оказавшиеся на борту пиратского судна, которые стали нежелательными свидетелями или же по вине которых Марк Антоний оказался на борту того злополучного судна. Это объясняет и дельнейшие действия Верреса, повлекшие уничтожение островного флота и открывшие для пиратства просторы западного средиземноморья. Это объясняет и почему Марк Антоний «скончался, не будучи в состоянии вынести позора», так как, хотя Веррес сделал все от него зависящее, чтобы никто не узнал правды о нахождении Марка Антония на борту пиратского судна и долгое время надежно его укрывал, верховный командующий римским флотом никак не смог бы разумительно объяснить, куда и почему он во время войны исчез на несколько месяцев. И, наконец, это объясняет почему, спустя 27 лет после суда над Верресом и его изгнания, когда о нем ничего не было известно и его все давно должны были забыть, сын Марка Антония, ставший триумвиром, вспомнил о сицилийском наместнике для внесения его имени в проскрипционный список.

Следует коснуться и роли Верреса в предотвращении высадки Спартака на Сицилию. Веррес утверждал, что от войны, начатой беглыми рабами, Сицилия была избавлена благодаря его доблести¹⁸⁷. Цицерон, отрицая роль Верреса в подавлении восстания рабов, приводит следующие два основных довода. Первый непосредственно касается попытки Спартака высадиться

¹⁸⁶ Flor. I. 42. 7.

¹⁸⁷ Cic. Verr. V. 5.

на остров. «Видимо, именно ты воспрепятствовал полчищам беглых рабов переправиться из Италии в Сицилию. Где, когда, с какой стороны? Тогда, когда они пытались пристать к берегу – на плотках или на судах? Ведь мы ничего подобного никогда не слышали, но знаем одно: доблесть и мудрость храбрейшего мужа Марка Красса не позволили беглым рабам переправиться через пролив в Мессану на соединенных ими плотках, причем этой их попытке не пришлось бы препятствовать с таким трудом, если бы в Сицилии предполагали наличие военных сил, способных отразить их вторжение»¹⁸⁸. Второй довод касается возможности восстания рабов на самой Сицилии. «Что касается заразительности восстания рабов, то почему о ней твердишь именно ты, а не все те люди, которые стояли во главе других провинций? Не потому ли, что в Сицилии и ранее происходили восстания беглых рабов? Но именно этому обстоятельству провинция эта и обязана своей безопасностью и в настоящем и в прошлом. Ибо, после того как Маний Аквиллий [проконсул Сицилии в 101-98 гг., подавивший восстание рабов на Сицилии], покинул провинцию, согласно распоряжениям и эдиктам всех преторов, ни один раб не имел права носить оружие. ... когда вся Италия была охвачена Союзнической войной, Гай Норбан, при всей своей нерешительности и недостатке храбрости, наслаждался полным спокойствием; ибо Сицилия вполне могла сама оберечь себя от возникновения войны внутри страны»¹⁸⁹. Кроме того, рассуждая о целесообразности предпринятого Верресом для предотвращения войны с рабами на Сицилии, Цицерон говорит о деле Леонида, рабов которого Веррес осудил за участие в заговоре и затем, получив взятку, возвратил их господину¹⁹⁰, а также о деле Аполлония, которого он произвольно заключил в тюрьму и столь же произвольно выпустил¹⁹¹.

Таким образом, выводы Цицерона сводятся к тому, что Веррес никакого участия в подавлении восстания рабов не принимал, так как Спартак не мог высадиться на Сицилии, а возможность восстания рабов на острове является преувеличением. Однако участие Верреса в невольничьей войне рассматривалось Цицероном с подачи самого обвиняемого. Если последний не стал раскрывать детали своего участия, то следует предположить, что характер его участия не позволял говорить об этом открыто. Учитывая установленные выше взаимоотношения Верреса с пиратами, мы можем сделать вывод о том, что Веррес играл непосредственную роль в переговорах пиратов со Спартаком, когда последний, заплатив аванс за организацию высадки на остров, был обманут.

¹⁸⁸ Cic. Verr. V. 5.

¹⁸⁹ Cic. Verr. V. 7-8.

¹⁹⁰ См.: Cic. Verr. V. 10-15.

¹⁹¹ См.: Cic. Verr. V. 16-24.

О восстании Спартака

В истории за Спартаком заслуженно закрепилась слава борца за свободу. Однако однозначно сказать то же самое о характере восстания рабов под его предводительством не представляется возможным.

Известно, что восстание началось в 73 г.¹⁹² с бегства из гладиаторской школы в Капуе 74 рабов во главе со Спартаком. Укрывшись на горе Везувий, восставшие, применив хитрость, спустившись на связанных из виноградной лозы веревках с отвесной горы, напали с тыла на блокировавший их римский отряд. После этого успеха к ним стали со всей Италии стекаться рабы, стремительно пополняя армию Спартака. Начинается победоносное продвижение армии рабов из южных районов Италии на север. Под руководством Спартака последовательно разбиты высланные против них претор Вариний, два консула Геллий и Лентул, восставшие переходят через Альпы и вступают в Галлию, где разбивают проконсула Кассия и... поворачивают обратно в Италию, провозгласив своей целью поход на Рим. Для историков до сих пор актуален вопрос: если восставшие преследовали цель сбросить с себя цепи рабства, то почему, покинув Италию, они решили повернуть обратно? «Что или кто заставил Спартака принять такое решение? Разве последней победой, одержанной перед воротами Галлии, он не открыл рабам путь на родину? Три или четыре месяца он, как и планировалось, победоносно шел на север, и теперь, после своего очередного триумфа, вдруг добровольно, никем не принуждаемый, развернулся на марше? Или же все-таки его принудил кто-то (или что-то)?»¹⁹³.

Предполагается, что Спартак стал заложником своих блестящих побед, которые побудили рабов поверить в его непобедимость и заставить своего полководца вести их на Рим, чему прославленный гладиатор не смог воспротивиться¹⁹⁴. Однако известно, что, вернувшись в пределы Италии, Спартак отказался от похода на Рим и предпочел направиться на юг. Можно было бы предположить, что ему удалось убедить своих последователей в бесперспективности попытки захватить Рим и восстановить контроль над собственной армией.

А.В. Коптев предполагает, что армия Спартака шла к Альпам на соединение с войсками Сертория, прибытие которых ожидалось в это самое время из Испании, чтобы затем под руководством последнего вернуться в Италию и при поддержке италийцев, недовольных властью сулланцев, вступить с Римом в новую схватку. Рим же, подкупив Перперну, добился

¹⁹² А.А. Мотус доказывает, что у нас нет никаких веских доказательств для опровержения 73 г. как года начала восстания Спартака. См. Мотус А.А. О датировке начала восстания Спартака // Вестник Древней истории, 1957, № 3, с. 159-166.

¹⁹³ Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима / Пер. с нем. М. 1992. с. 211.

¹⁹⁴ Flor. II. 8. 11.

его руками убийства Сертория, после чего Спартак вернулся в Италию, чтобы заставить римский сенат признать свои завоевания в договоре¹⁹⁵.

Некоторые исследователи высказывали гипотезу, что в принятии такого решения свою роль мог сыграть и царь Митридат: «Вступил же он в сношения с мятежным Серторием в Испании; точно также он мог послать своих людей к Спартаку с обещанием помощи в случае, если тот пойдет на Рим и поставит тем самым под вопрос само существование империи»¹⁹⁶. Очевидно, что основанием для такой точки зрения послужило утверждение Аппиана, что Митридат «знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаком – гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения»¹⁹⁷.

Однако ни возглавляемые Спартаком рабы, ни Митридат, ни даже остатки серторианцев так и не смогли извлечь из возвращения восставших в Италию никакой пользы. Казалось, классический вопрос «Кому это могло быть выгодно?» остается без ответа... Между тем, есть только один человек, который не только мог извлечь выгоду из возвращения рабов на пиренейский полуостров, но для которого это было принципиально необходимым и который этим воспользовался в полной мере.

Согласно сложившейся традиции, возвращающийся из похода полководец должен был распустить свою армию, как только войско вступит в Италию¹⁹⁸. Если бы в 71 г. Помпей распустил свои легионы перед вступлением в пределы Италии, то он сразу превратился бы в рядового гражданина – частное лицо, причем не имевшего даже права выставить свою кандидатуру на консульских выборах, поскольку, находясь всю жизнь на военной службе, молодой военачальник не имел необходимого должностного ценза, не говоря уже о возрастном: «Помпей же не был ни претором, ни квестором и имел в это время 34 года»¹⁹⁹. Только сенат мог принять персональное решение о предоставлении ему права баллотироваться на консульских выборах. Без угрозы применения силы Помпей не смог бы добиться от сената такого разрешения. Данная угроза могла быть действительной при условии, что сенат мог бы наблюдать помпеевские легионы во всеоружии под стенами Рима. Не распустить армию при вступлении в Италию и при этом не поставить себя вне закона Помпей мог только при одном условии – кто-то должен был подобно Ганнибалу стоять у ворот Рима, а он сам – выступить

¹⁹⁵ Коптев А.В. Несколько замечаний о восстании Спартака [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/koptev/kopt18.htm>.

¹⁹⁶ Хёфлинг Г. Римляне, рабы, гладиаторы: Спартак у ворот Рима / Пер. с нем. М. 1992. с. 211.

¹⁹⁷ App. Mithr. 109.

¹⁹⁸ Например, спустя более чем 20 лет знаменитый переход Цезарем со своими легионами реки Рубикон на северо-восточной границе Италии положил начало гражданской войне.

¹⁹⁹ App. I. 121.

в роли спасителя отечества. Можно, перефразировав известное изречение Вольтера, сказать, что если бы не было восстания Спартака, Помпею следовало бы заранее позаботиться о чем-нибудь подобном. Однако здесь, на наш взгляд, уместны цитаты из... Цицерона: «были сняты оковы, и на нас были натравлены рабы, а к этому прибавилась и угроза со стороны войска»²⁰⁰, а также «Италия, которая, страдая от ужасной и опасной войны с рабами, призвала его [Помпея] на помощь из чужих краев, причем в этой войне от одного ожидания приезда Помпея наступило успокоение и затишье, а после его прибытия она была закончена и позабыта»²⁰¹.

Для того, чтобы убедиться в справедливости указанной трактовки по отношению к восстанию Спартака, более внимательно остановимся на известных нам фактах.

У большинства древних авторов первым посланным против Спартака военачальником называется претор Публий Клодий²⁰², у Флора фигурирует Гай Клавдий²⁰³, у Аппиана – Вариний Глабр, а затем – Публий Вариний²⁰⁴. Мы уже имели возможность подробно ознакомиться с личностью Публия Клодия. Необходимо отметить, что на момент начала восстания ему не было еще и 20 лет, и поэтому тогда он вряд ли мог бы быть претором. Но, с другой стороны, ему, представителю видного сенатского рода, вполне могли бы поручить возглавить поимку (именно так должна была называться первая войсковая операция) беглых рабов. По Ливию, Клодий был всего лишь легатом²⁰⁵. Если же предположить, что операцию у Везувия возглавляли Г. Клавдий или В. Глабр, то оба они, по Друману, также представляют род Клавдиев, к которому принадлежал и Клодий²⁰⁶.

Кроме личности римского военачальника, странность первому сражению рабов с регулярным римским войском придает и тот факт, что восставших было не более 75 человек, тогда как отряд Клодия насчитывал 3 тысячи²⁰⁷. Трудно представить, чтобы при таком численном соотношении (1:40)

²⁰⁰ Cic. de Lege. III. 25. Ленин так характеризует восстания рабов: «Рабы... восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционный момент истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39. с. 82.

²⁰¹ Cic. De imp. Pomp. 30.

²⁰² Liv. Per. XCV; Plut. Crass. 8; Oros. V, 24, 2; Front. I. 5. 20-23.

²⁰³ Flor. II.8.4.

²⁰⁴ App. I, 116. А.А. Мотус полагает, что «Исходя из последующего рассказа Аппиана, нельзя не согласиться с рядом историков, утверждавших, что Аппиан в данном случае Клодия пропускает, а из одного имени Вариния (полное имя Вариния – Публий Вариний Глабр) делает два имени: Вариний Глабр и Публий Вариний». Мотус А.А. О датировке начала восстания Спартака // Вестник Древней истории, 1957, № 3, с. 164.

²⁰⁵ Liv. Per. XCV.

²⁰⁶ Dumann. IV. p. 87-88.

²⁰⁷ Front. I. 5. 21.

горстка людей решилась, а главное – смогла бы, пусть даже внезапно среди ночи и в отсутствие охраны, захватить врасплох столько спящих людей. Однако же Спартак «не только ускользнул [от римлян], но даже, ударивши во фланг, привел Клодия в такой ужас, что несколько когорт отступило перед семьюдесятью четырьмя гладиаторами»²⁰⁸.

После поражения Клодия против Спартака были посланы претор Публий Вариний Глабр и его коллега Коссиний²⁰⁹. Из подчиненных Вариния также упоминаются помощник Фурий²¹⁰ и квестор Тораний²¹¹. Кроме участия в подавлении восстания Спартака, об этих четырех персонажах, проигравших все свои сражения, мало что известно.

Войско Вариния состояло из случайных людей, набранных наспех и мимоходом, и с первой же встречи с рабами терпело поражения²¹². Большая часть солдат хворала от осенней непогоды, и никто, несмотря на суровый приказ, не возвращался под знамена после бегства, а те, что оставались, уклонялись от военной службы²¹³. В этой ситуации Вариний направляет своего квестора Торания в Рим, но... не для того, чтобы получить подкрепление или помощь, а... «чтобы через него легче получать правдивые сведения»²¹⁴. Спрашивается, какие правдивые сведения из Рима могли интересовать терпящего одно поражение за другим Вариния? Приведем следующий фрагмент, характеризующий действия Вариния: «через несколько дней, несоответственно их характеру, у наших начала расти уверенность и развязался язык. Вариний, поддавшись неосторожно этому чувству, вопреки тому, что видел, повел все же к лагерю беглых рабов новых и неиспытанных, и к тому же смущенных гибелью других воинов. Он вел их сдержанным шагом и в молчании и вводил в бой [который римляне проиграют] не с таким блеском, как они этого требовали»²¹⁵.

По Ливию, после Вариния на борьбу со Спартаком направляется претор Квинт Аррий, который сначала разбивает и убивает Крикса с двадцатью тысячами беглых рабов под его началом, а затем терпит поражение от Спартака²¹⁶. Об этом преторе известно только, что он был назначен на 72 г. наместником на Сицилию²¹⁷, т.е. должен был заменить Верреса. Зная о «героическом» наместничестве последнего, думаем, что вряд ли ему на смену прислали бы случайного человека. Аррий, будучи задержан в Италии не-

²⁰⁸ Front. I. 5. 20-23.

²⁰⁹ Plut. Cras. 9; Sall. Hist. III. 94-98.

²¹⁰ Plut. Cras. 9.

²¹¹ Sall. Hist. III. 96; Flor. II. 8. 5.

²¹² App. I. 116.

²¹³ Sall. Hist. III. 96.

²¹⁴ Sall. Hist. III. 96.

²¹⁵ Sall. Hist. III. 96.

²¹⁶ Liv. Per. XCVI.

²¹⁷ Cic Verr. II. 37.

вольничьей войной, все же не приехал в Сицилию²¹⁸. Полагаем, в немалой степени это было связано также с проблемами, возникшими на острове, которые мог разрешить только Веррес.

После победы над Варинием Спартак стал уже великой и грозной силой²¹⁹. К нему сбежалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 тысяч²²⁰. Хотя по утверждению Плутарха, «раздражение, вызванное в сенате низким и недостойным характером восстания, [после поражения Вариния] уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов [Гн. Корнелия Лентула Клодиануса и Луция Геллия] разом»²²¹, однако «все силы империи поднялись пропив мирмиллона [Спартака]»²²² только с назначением Красса. В распоряжении же двух консулов, выступивших против огромной (от 70 до 120 тысячной) армии Спартака, было по одному легиону²²³, что в совокупности составляло от 10 до 12 тысяч легионеров. Причем изначально консулы разделили свои силы. Один из них, Геллий, со своим легионом в 5-6 тысяч человек, «среди изнеженности и страсти к роскоши, которые владели тогда [его] солдатами»²²⁴, без особого труда уничтожил отколовшийся от Спартака тридцатитысячный германский отряд во главе с Криксом²²⁵. Что касается их сражений со Спартаком, то, хотя источники единогласно свидетельствуют о поражении римлян, ни один из них не говорит об уничтожении консульских легионов. Во-первых, ни один из консулов не погиб во время сражения. Что до самих легионов, Аппиан го-

²¹⁸ См.: Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 183.

В Трактате «Брут или о знаменитых ораторах» Цицерон уничижительно отзывается о Квинте Аррии, «который был как бы подголоском при Марке Крассе. Этот человек должен быть для всех примером того, как далеко можно пойти в нашем городе, если уметь многим угождать и многим оказывать услуги в делах и помощь в беде. Именно таким вот образом Аррий, несмотря на низкое происхождение, достиг и почетных должностей, и богатства, и влияния и, не имея ни способностей, ни знаний, стяжал себе признание как адвокат. Но, как недостаточно обученный кулачный боец, который, возжаждав олимпийских наград, выносит натиск кулачных ударов, но подчас не может вынести солнечного зноя, так Аррий, успешно пройдя через все должности, несмотря на великие усилия, не вынес строгих требований преобразованного суда, который оказался для него полуденным солнцем». Cic. Brut. 242-243.

²¹⁹ Plut. Cras. 9.

²²⁰ App. I. 116.

²²¹ Plut. Cras. 11.

²²² Flor. II. 8. 12.

²²³ App. I. 116.

²²⁴ Plut. Cato minor. 8. Вообще, довольно распространенной является версия, объясняющая поражение римлян от рабов тем, что наиболее боеспособные войска сражались против Сертория и Митридата, а Спартаку приходилось разбивать далеко не лучших наспех набранных воинов. См. напр.: Коптев А.В. Несколько замечаний о восстании Спартака. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/koptev/kopt18.htm>.

²²⁵ App. I. 117; Oros. V. 24. 4; Plut. Cras. 11.

ворит лишь об их отступлении, пусть и в полном беспорядке²²⁶. Лишь у Саллюстия имеется следующий фрагмент: «А в то же самое время Лентула отстоял двойным строем защищенное возвышенное место, пролив много крови своих солдат, после того как из груд убитых начали показываться плащи [т.е. погибшие римляне оказались завалены трупами рабов] и стало понятно, что когорты уничтожены»²²⁷. Но, учитывая, что позднее оба консульских легиона были присоединены к армии Красса²²⁸, можно утверждать, что потери среди личного состава обоих легионов под руководством Геллия и Лентула были незначительными и, в любом случае, не могли достигать и половины.

О Гн. Корнелии Лентуле Клодианусе и Луции Геллии известно следующее: оба они еще в свое консульство (72 г.) выказали Помпею свое расположение, когда внесли закон, утверждающий в звании римских граждан всех тех, кого тот в серторианскую войну награждал этим званием²²⁹. В консульство Помпея (70 г.) они, будучи цензорами, провели суровую чистку сената²³⁰, исключив, несомненно по настоянию Помпея, 64 человека. В 67 г. они были легатами Помпея в войне против пиратов²³¹. Напомним, что согласно закону в этой войне Помпей самостоятельно назначал своих легатов, и они вряд ли получили бы это назначение, если бы Помпей сомневался в их преданности.

В Галлии Спартак нанес поражение проконсулу Г. Кассию. В речах Цицерона Г. Кассий Лонгин Вар характеризуется благородным и доблестным (в 70 г. в речи против Верреса)²³², одним из наиболее честных, храбрых и непреклонных деятелей (в 66 г.)²³³, хотя «о его доблести мы судить не можем, так как истории известно только одно сражение, данное им в качестве проконсула Спартаку под Мутиной (72 г.); в этом сражении он был разбит»²³⁴. В 66 г. Кассий был сторонником Манилиева закона, предоставляющего Помпею империй в войне с Митридатом.

Обращает на себя внимание также отсутствие в источниках данных о численных потерях среди римских войск. Победы Спартака характеризуются следующими словами: разбил, обратил в бегство, захватил большое количество воинского снаряжения, лагерь, обоз или же коня римского воена-

²²⁶ App. I. 117.

²²⁷ Sall. Hist. III. 106.

²²⁸ App. I. 118.

²²⁹ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 258. См. Drumann. Geschichte Roms. II. p. 98.

²³⁰ Liv. Per. XCVIII.

²³¹ App. Mithr. 95; Flor. I. 41. 9.

²³² Cic. Verr. III. 97.

²³³ Cic. De imp. Pomp. 68.

²³⁴ Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе. Редакция, введение и примечания Ф.Зелинского. СПб. 1901. Т. 1. с. 258.

чальника²³⁵. Никто из римских военачальников не погиб, пленен или ранен на войне с рабами. Плутарх говорит о гибели одного римского военачальника – претора Коссиния²³⁶, но и он упоминается среди друзей Цицерона и Аттика, а не Помпея. Судя по переписке Цицерона, он благополучно пережил восстание рабов²³⁷ и умер в 45 г.²³⁸ По Орозию в борьбе со Спартаксом гибнет проконсул Кассий²³⁹, однако, как было видно выше, это не могло соответствовать действительности. Единственная цифра касается последнего сражения Спартака, в котором погибло шестьдесят тысяч рабов²⁴⁰ и всего одна (!) тысяча римских легионеров²⁴¹.

Все сражавшиеся со Спартаксом римские полководцы, о биографиях которых у нас имеется информация, идентифицируются нами как помпеянцы. С самого начала передавая друг другу восставших «из рук в руки», они последовательно создавали Спартаксу и его армии рабов образ грозного врага Рима, для подавления которого необходимо прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Что до решения о походе восставших на Рим, то Аппиан говорит, что Спартак принимал в свои ряды многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих и даже перебежчиков²⁴². Думаем, для помпеянцев не составляло большого труда наводнить армию рабов достаточным числом своих людей, которые распространяли бы среди восставших идеи похода на Рим. Следующие слова Цезаря позволяют, на наш взгляд, прямо утверждать, что Помпей отправлял послов на переговоры с римскими гражданами, бывшими в рядах армии рабов и, кстати говоря, среди пиратов: «И вот Цезарь послал своего легата П. Ватиния к самому берегу реки [Апс, в 48 г. во время гражданской войны, между лагерями Помпея и Цезаря под Диррахием], чтобы заговорить о самых существенных условиях мира и громко спросить, **позволительно ли римским гражданам посылать к своим согражданам послов, что сам Помпей дозволил даже беглым рабам в Пиренеях и морским разбойникам?»**²⁴³.

Разногласия среди рабов о целях восстания (пробиваться в Галлию либо оставаться в Италии) обнаруживают себя, судя по сохранившимся фрагментам Истории Саллюстия, еще во время противостояния с Варинием,

²³⁵ Oros. V, 24. 1; Plut. Cras. 11; Vell. II. 30. 5.

²³⁶ Plut. Cras. 11.

²³⁷ Cic. Att. I. 19. 11. Титу Помпонию Аттику, в Эпир. Рим, 15 марта 60 г.; II. 1. 1. Титу Помпонию Аттику, в Грецию. Рим, середина июня 60 г.; Fam. XIII. 23. 1. Сервию Сульпицию Руфу, в провинцию Ахайю. Рим, 46 г.

²³⁸ Cic. Att. XIII. 46. 4. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 12 августа 45 г.

²³⁹ Oros. V, 24, 5.

²⁴⁰ Liv. Per. XCVII; Oros. V. 24. 7.

²⁴¹ App. I. 120.

²⁴² App. I. 116-117.

²⁴³ Caes. B.C. III. 19.

когда «рабы, споря между собой о плане действия, чуть не довели дело до мятежа»²⁴⁴. В этих спорах позиции Спартака, ратовавшего за вывод восставших в Галлию, оставались достаточно убедительными. Однако, как верно отмечает А.В. Мишулин, от Спартака отряды, возглавляемые Эномаем, Криксом, впоследствии [по Плутарху] Кастом и Гаем Ганником²⁴⁵, «отходят именно тогда, когда он начинает осуществлять какой-либо новый план вывода рабов из Италии»²⁴⁶. Только постоянные победы Спартака, в том числе над двумя консульскими легионами, позволили простимулировать среди восставших нужное влияние на принимаемые предводителем решения. «Поход на Рим» в руках этих агитаторов был всего лишь удобным лозунгом, способным заставить вернуть армию рабов в пределы Италии. Как только это произошло, настойчивость рабов к пресловутому походу отпала²⁴⁷.

Особого внимания заслуживает тема децимации, т.е. казни каждого десятого, выбранного жребием, провинившегося солдата, которую Красс применил к своим легионерам, бежавшим с поля первого же боя.

Если исходить из того, что децимация была применена для восстановления дисциплины в войсках, то мы можем утверждать, что со стороны римского легиона нарушением дисциплины было вовсе не бегство с поля боя, а... ввязывание в сражение с рабами без соответствующего приказа. Вот слова Плутарха: «Сам он [Красс, приняв командование] расположился у границы Пицена, рассчитывая захватить направлявшегося туда Спартака, а легата своего Муммия во главе двух легионов послал в обход **с приказанием следовать за неприятелем, не вступая, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек.** Но Муммий, при первом же случае, позволявшем рассчитывать на успех, начал бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, другие спаслись бегством, побросав оружие. Оказав Муммию суровый прием, Красс вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них поручителей в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек – зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку – на кого укажет жребий»²⁴⁸. Подтверждением того, что для Красса было важнее не бегство римских солдат с поля боя, а именно беспрекословное выполнение приказов, в том числе, запрет на самовольное нападение на армию рабов, служит также следующий эпизод, имевший место спустя некоторое время после указанной децимации и накануне решающего сражения: «за [вырвавшимся из Лукании] Спартаком ... следова-

²⁴⁴ Sall. Hist. III. 96.

²⁴⁵ Мишулин А.В. Спартак. М. 1950, с. 89.

²⁴⁶ Мишулин А.В. Спартак. М. 1950. с. 88.

²⁴⁷ App. I. 117.

²⁴⁸ Plut. Cras. 10.

ли по пятам Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа. Но когда Спартак обернулся против римлян, они бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора»²⁴⁹. В этом случае со стороны Красса никаких дисциплинарных мер из-за безоглядного бегства римских легионеров с поля боя не последовало.

То, что, с одной стороны, за все время войны с рабами не погиб ни один римский военачальник, нет конкретных данных о сколько-нибудь значительном числе жертв среди римских войск, задействованных в подавлении восстания, а с другой, – источники приводят данные о численности погибших рабов, которые откалывались от армии Спартака, а также о гибели их предводителей, свидетельствует о том, что в действительности с реальным подавлением восстания для римлян никогда особой проблемы не было. Главной целью Красса в применении децимации, таким образом, было достижение такой управляемости римскими легионами, чтобы не допустить преждевременного завершения войны с рабами каким-нибудь особо ретивым легатом. Раньше, когда против рабов были задействованы отдельные легионы, во главе которых стояли помпеянцы, подобных проблем не возникало. В распоряжении же Красса было двенадцать легионов. Без опасения вызвать в Риме ненужную подозрительность добиться от сената назначения такого количества лояльных легатов, наверное, было затруднительным, тем более «за Крассом последовали многие представители знати, увлеченные его славой и чувством личной дружбы к нему»²⁵⁰.

Восстание Спартака должно было быть подавлено только после легитимного вступления Помпея вместе со своими легионами в пределы Италии. Как только это произошло, восставшие были быстро истреблены. Помпею оставалось уничтожить пятитысячный отряд рабов, сумевший уйти от Красса на север, что, кстати, давало первому основанию претендовать на еще один триумф: его удостаивался военачальник, уничтоживший более пяти тысяч врагов²⁵¹.

О движении Сертория или... Почему Помпей – Великий

Когда Сулла расправился в 83 г. с Марием и Карбоном, у него оставался только один опасный враг из проскрипционного списка – находившийся в Испании Квинт Серторий²⁵². «Серторианская война..., – пишет Флор, – Чем иным, как не наследием сулланских проскрипций, была она? Не знаю, назвать ее войной с врагами или гражданской, поскольку лузитаны и кельтиберы вели ее под руководством римлянина»²⁵³. Представления о формиро-

²⁴⁹ Plut. Cras. 10.

²⁵⁰ Plut. Cras. 10.

²⁵¹ Oros. V. 4. 7.

²⁵² App. I, 97.

²⁵³ Flor. II. 10. 1.

вании серторианского движения и об отношениях в его рамках римлян и варваров сложились прежде всего на основе данных Плутарха²⁵⁴.

Против Сертория Сулла сперва послал армию во главе с Гаем Аннием²⁵⁵. Предупреждая его появление в Испании, Ливий Салинатор, по приказу Сертория, с шестью тысячами тяжеловооруженных воинов занял проходы в Пиренейских горах. После того, как Салинатор был предательски убит неким Кальпурнием, а серторианцы покинули свои позиции, Анний практически беспрепятственно проник в Испанию. С тремя тысячами воинов Серторий вынужден был спешно бежать на кораблях через Новый Карфаген в Мавританию, на север Африки. Причалив к берегу, его воины, не выставив охранения, бросились запасаться водой. В этот момент на них неожиданно напали туземцы и, нанеся тяжелые потери, вынудили их спешно отчалить в море. Предпринятая после этого попытка высадиться в Испании также потерпела неудачу. В этот момент к серторианцам присоединились... киликийские пираты (!). Вместе они смогли, сломив сопротивление караульного отряда Анния, занять остров Питиус. Спустя некоторое время явился Анний с сильной эскадрой и пятью тысячами тяжеловооруженных воинов. Намечавшееся морское сражение сорвала поднявшаяся из-за сильного западного ветра буря. Большую часть кораблей Сертория отнесло к скалистому берегу, а он сам, вместе с немногими, в том числе пиратскими, кораблями, сумев покинуть акваторию противостояния, вынужден был провести на море десять суток, отдавшись во власть разыгравшейся стихии.

После того как буря спала, Серторий, пройдя через Гибралтарский пролив в Атлантический океан, высадился чуть выше устья Бетиса. И.Г. Гурин обращает внимание на странность разительного отличия этой высадки в одной из наиболее густонаселенных и романизированных частей Испании от предыдущих: «Здесь он смог оставаться довольно долго – достаточно для того, чтобы он мог отдохнуть и провести приготовления к новым походам. Местные жители не только не разгромили измученных изнурительными испытаниями и непрерывными поражениями беглецов, но, судя по тому, что на них не напали правительственные войска, никто даже не сообщил об их прибытии сулланскому наместнику [в Бетике Фуфидию²⁵⁶], хотя серторианцы находились относительно недалеко от его резиденции. Учитывая, наряду с вышеизложенным, тот факт, что для подготовки к последовавшим вскоре боевым действиям Серторий не мог воспользоваться ничьей помощью, кроме как помощью местного населения, можно утверждать, что оно поддерживало его, несмотря на то, что он прибыл с такими экзотическими союзниками, как пираты, с которыми у бетийцев, по крайней мере с

²⁵⁴ Гурин И.Г. Римляне и варвары в Серторианском движении // АМА. Вып. 11. Саратов. 2002. с. 54.

²⁵⁵ Plut. Sert. 7.

²⁵⁶ Plut. Sert. 12.

учетом чрезвычайно развитой в этом регионе морской торговли, вряд ли были дружественные отношения, а сам Серторий был в это время официально объявлен опаснейшим государственным преступником, за помощь которому полагалась смерть, а за донесение – награда. Но так как в это время не началось никакого восстания в поддержку популярного наместника соседней провинции, можно заключить, что местные жители отказались (по крайней мере в массе своей) поддержать его с оружием в руках и ограничились недонесением на серторианцев и материальной помощью»²⁵⁷.

Когда Серторию рассказали о существовании в Атлантическом океане двух островов Блаженных, где есть райские условия для мирной и безбедной жизни («среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там – Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером»²⁵⁸), он решил удалиться на эти острова и жить там безмятежно, не ведая ни тирании, ни бесконечных войн. Узнав об этом решении, пираты покинули союзника и направились в Мавританию, намереваясь вернуть там к власти Аскалида. Однако вместо Блаженных островов Серторий со своими немногочисленными спутниками также направился в Мавританию с целью поддержать противников Аскалида. Мавританцы с радостью приняли римлянина. Правящий царь назначил его главнокомандующим в борьбе против Аскалида²⁵⁹. Как отмечает И.Г. Гурин, «Собственные силы серторианцев (особенно после ухода пиратов) были столь незначительны, что они явно участвовали в кампании только как приглашенные военные специалисты, а не как равноправные союзники»²⁶⁰. Вчерашние союзники – серторианцы и киликийские пираты – оказались по разные стороны «баррикад». Аскалид был стремительно разбит и осажден в Тингисе (Танжер). Ему на помощь Сулла послал войска во главе с Пакцианом. Но он погиб в сражении с Серторием, а сулланские солдаты перешли на сторону последнего. Одержав окончательную победу, Серторий передал мавританцам все завоеванное имущество, города, власть, и взял себе лишь то, что они дали ему добровольно.

После успешной кампании в Африке к Серторию явились послы лузитан с предложением возглавить их борьбу с Римом: «опасаясь римлян, они искали себе предводителя, который был бы человеком достойным и опытным; узнав о характере Сертория от его спутников, лузитанцы желали доверить свои дела ему и только ему»²⁶¹. Заключается довольно «странный и необычный союз»²⁶²: Серторий, оставив небольшой гарнизон в Маврита-

²⁵⁷ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 48.

²⁵⁸ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 48.

²⁵⁹ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 50.

²⁶⁰ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 51.

²⁶¹ Plut. Sert. 10.

²⁶² Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 52.

нии²⁶³, направляется в Лузитанию. Именно после этих событий, по существу, начинается серторианская война. Серторий будет успешно сражаться сначала против Метелла, а потом еще и Помпея. Его опорой в борьбе с Римом были испанские племена, которые вначале игнорировали Сертория, потом неожиданно оказывали ему поддержку, затем также неожиданно отходили от него. После принятия командования испанскими племенами Серторий, вплоть до своей смерти спустя несколько лет, не потерпит на поле брани ни одного поражения, но будет убит в результате заговора своих сторонников.

Одной из самых дискуссионных в связи с движением Сертория является тема его переговоров о союзе с лузитанами. «Суть утвердившейся в научной литературе схемы этих переговоров сводится к следующему: прослышав о подвигах римского изгнанника, лузитаны присылают к нему послов с предложением возглавить их борьбу против Рима, Серторий принимает это предложение, высаживается в Испании, и начинается основной период Серторианской войны»²⁶⁴. Если «в чисто военном смысле действия Сертория не нуждаются в дополнительном обосновании» (серторианцы на тот момент находились в крайне тяжелом положении)²⁶⁵, то действия лузитан более чем странны. «Для приобретения личного авторитета среди варваров Серторию нужно было какое-то время, и завоевать действительно прочный авторитет у какой-либо группы участников движения он мог, лишь действуя в ее интересах. Военные успехи должны были доставить ему этот авторитет, но одерживать крупные победы Серторий стал только после того, как он получил массовую поддержку испанцев. И это естественно – для крупных побед нужны крупные силы, а они у него появились только после поддержки туземцев.

Серторий ко времени обращения к нему варваров не совершил еще ничего такого, что могло бы определить столь высокое отношение к его личным качествам. Более того, свою единственную самостоятельную военную кампанию [против Анния] он очень быстро проиграл»²⁶⁶. «В мавританской кампании он командовал только незначительными войсками против очень слабых сил. Поэтому руководители лузитан при принятии своего решения не могли руководствоваться славой Сертория как крупного полководца – этой славы просто еще не было»²⁶⁷.

«Следовательно, цель этого приглашения была иной. И единственное, что в этом случае можно предположить, – это как раз то, что руководители

²⁶³ Sall. Hist. I. 104.

²⁶⁴ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 53.

²⁶⁵ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 52, 53.

²⁶⁶ Гурин И.Г. Римляне и варвары в Серторианском движении // АМА. Вып. 11. Саратов. 2002. с. 54.

²⁶⁷ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 56.

лузитан прекрасно были осведомлены о внутривосточном положении Рима (что само по себе едва ли может вызвать удивление) и постарались использовать его в своих интересах»²⁶⁸. «Единственной их целью была собственная независимость»²⁶⁹. Но... как пишет сам И.Г. Гурин, «лузитаны были покорены, по одним данным, в результате походов Брута в 30-е гг. II в., по другим – в наместничество Цезаря в 61 г. ...Но ни походы Брута, ни походы Цезаря так и не привели к покорению римлянами запада Пиренейского полуострова. ...Вероятнее всего лузитаны были подчинены легатами Помпея в 50-е гг. I в. и в дальнейшем на их территории лишь изредка велись незначительные боевые действия. Как бы то ни было, к началу Серторианской войны лузитаны были фактически независимыми»²⁷⁰. Вместе с тем, известно, что Серторий вводил в подконтрольных землях римские порядки. Им был создан даже орган наподобие римского сената. Спрашивается, зачем лузитанам ради сохранения своей независимости от римлян прибегать к услугам римлянина, который будет вводить в их среде римские порядки? Ведь гораздо проще было бы договориться с Римом, выдав, к примеру, того же Сертория.

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на эпизод удачной высадки Сертория в Испании. То, что до этого он бежал из Испании, а потом не смог там высадиться, говорит об отсутствии какой-либо поддержки среди местного населения. Тем удивительнее то, что спустя всего несколько недель после этих событий ему удалась высадка у устья Бетиса. Густонаселенность и романизированность района высадки, а также то, что серторианцы отдыхали и готовились к новым походам, находясь относительно недалеко от резиденции сулланского наместника Фуфидия – «этого позорного прислужника Суллы»²⁷¹, одного из окружавших Суллу льстецов²⁷², делает в принципе невозможной ситуацию, чтобы сулланцы не знали о местонахождении Сертория: как бы не было сплоченным население, вдруг решившее не выдавать его с такими экзотическими союзниками как пираты, немыслима ситуация, чтобы никто из местных жителей, не говоря уже о римлянах, которые, несомненно, могли находиться в том районе, не проговорился властям о местонахождении человека, официально объявленного опаснейшим государственным преступником, за помощь которому полагалась смерть, а за донесение – награда. Если сулланцы знали о местонахождении Сертория, то в такой ситуации не поймать его можно было только

²⁶⁸ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 56-57.

²⁶⁹ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 56.

²⁷⁰ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 17.

²⁷¹ Sall. Hist. I. 55. 22.

²⁷² Plut. Sulla. 31. По Плутарху, некоторые римляне утверждали, что именно с подачи Фуфидия Сулла реализовал идею составления проскрипционных списков.

при одном условии – наличии прямого приказа от Суллы не предпринимать против серторианцев каких-либо действий.

Точно так же, без соответствующего задания Суллы вряд ли бы осмелились перейти на сторону серторианцев направленные в Африку против Сертория сулланские солдаты. В скоротечной мавританской компании также есть немало странных обстоятельств. Вроде бы до нее победившие бежавших в северную Африку марианцев сулланцы восстановили здесь уже ослабевший было в душах варваров страх перед римлянами в прежней силе, да еще так, что даже звери, обитающие в Африке, должны были узнать мощь и отвагу римлян²⁷³. Таким образом, новый царь Мавритании должен был устраивать Суллу. Однако вдруг все переворачивается с ног на голову. Смещенный царь Аскалида вступает при поддержке пиратов в борьбу за восстановление своей власти, мавританский царь назначает прибывшего к нему с горсткой людей неудачливого вояку Сертория, преследуемого Суллой, главнокомандующим своей армией, а Сулла, вдруг, оказав поддержку Аскалиде и автоматически превращаясь в союзника пиратов, терпит поражение, а его солдаты в полном составе переходят на сторону Сертория. Можно конечно утверждать, что сулланские солдаты сдались вынужденно, однако, несмотря на поражение Суллы и сохранение трона за его «противником», для мавританцев никаких последствий из Рима не последовало. Стоит обратить внимание на то, что Пакциана, погибшего в бою командира присланного сулланского отряда, перешедшего затем на сторону Сертория, некоторые исследователи идентифицируют с Вибием Пакцианом²⁷⁴, крупным землевладельцем Бетики, на гостеприимном приморском поместье которого в свое время в течение восьми месяцев прятался Красс от преследовавшей его партии Мария и Цинны, казнившей его отца и брата²⁷⁵. Между тем, именно «победы Сертория над пиратами и ливийскими племенами создали ему громкую известность»²⁷⁶, благодаря которой для лузитан возникли формальные основания считать его успешным военачальником.

Если мы утверждаем, что Сулла распорядился не добивать Сертория, а наоборот, усиливать его, то естественно возникает вопрос о мотивах такого решения. Если проследить с самого начала действия Сертория против Рима, то мы заметим, что на путь успеха он встал после встречи с киликийскими пиратами, а вернее, когда пираты сами нашли его в море вместе с не питавшими никаких надежд на будущее потрепанными и поредевшими остатками войска. Именно после этой встречи Серторий не потерпит ни одного поражения. Если речь зашла о киликийских пиратах, то уместно вспомнить о Помпее. Где он находился в момент этой встречи? ...В Север-

²⁷³ Plut. Pomp. 12.

²⁷⁴ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 51.

²⁷⁵ Plut. Crass. 4-6.

²⁷⁶ Ковалев С.И. История Рима. Л. 1986. с. 400.

ной Африке. Что он делал?.. Одержав здесь по поручению Суллы стремительную победу над Домицием, Помпей столкнулся с неожиданной и опасной проблемой²⁷⁷. Ему доставили письменное приказание Суллы распустить войско, состоявшее, с учетом перешедших на его сторону марианцев, из восьми легионов, и с одним легионом ожидать на месте своего преемника по командованию. Приказ вызвал тайное возмущение Помпея и открытое негодование войска. Армия была готова взбунтоваться. В ответ на призывы Помпея вернуться на родину, его воины «принялись ругать Суллу, заявили, что ни в коем случае не оставят своего полководца, и просили Помпея не доверять тирану. ...Помпей пытался успокоить воинов убеждением, когда же это не удалось, он сошел с возвышения и в слезах удалился в свою палатку»²⁷⁸. Когда в Рим пришли известия о назревающем в армии Помпея бунте, Сулла с горькой иронией заметил, что «видимо, его удел в преклонном возрасте воевать с мальчишками [Помпею в это время было 24 года], потому что и Марий, будучи еще совсем молодым, доставил ему множество хлопот и подверг смертельной опасности»²⁷⁹, т.е. фактически все шло к возобновлению гражданской войны.

Между тем, пока в Рим доставлялась срочная депеша с информацией о возникших осложнениях, в лагере Помпея в Африке произошло следующее: «Воины вывели его [Помпея] и снова посадили на возвышение. Большая часть этого дня прошла в переговорах: солдаты предлагали Помпею остаться и быть их начальником, а тот упрасивал их подчиниться и не бунтовать; это продолжалось до тех пор, пока в ответ на их настойчивые крики Помпей не поклялся, что наложит на себя руки, если они вздумают применить насилие, и лишь эта угроза едва заставила воинов отказаться от своего намерения»²⁸⁰. Помпей фактически привел солдат в повиновение.

Когда римляне получили радостное известие, что Помпей уладил конфликт и возвращается в Рим, Сулла решил оказать молодому военачальнику пышный и беспрецедентный прием. «Он встретил Помпея далеко за городом, приветствовал его как нельзя более сердечно и не только сам громко назвал его „Магном“, но и всем присутствующим велел называть Помпея этим именем. Слово „Мага“ означает „великий“»²⁸¹. Именно после этого «Магн» стало составной частью имени Помпея.

Возникает вопрос: за что молодой военачальник мог заслужить прозвище «Великий»?

Мнение историков на данный счет отличается лаконичностью и сводится к тому, что (1) прозвище «Великий» Помпей получил за одержанные

²⁷⁷ Plut. Pomp. 13.

²⁷⁸ Plut. Pomp. 13.

²⁷⁹ Plut. Pomp. 13.

²⁸⁰ Plut. Pomp. 13.

²⁸¹ Plut. Pomp. 13.

им в Италии победы, которые облегчили Сулле приход к власти в Риме и (2) в этом поступке Суллы было больше иронии в отношении честолюбивого Помпея²⁸².

Однако оба мотива нам представляются не верными. Во-первых, Помпей был не единственным и не первым, кто в 83 г. открыто поддержал высадившегося в Брундизии Суллу²⁸³. Кроме того, в Италии Сулле пришлось дать марианцам ряд ожесточенных сражений, т.е. победы Помпея не имели решающего влияния на приход Суллы к власти.

Вместе с тем, действия Помпея действительно заслуживали высокой оценки: в возрасте 23 лет он вызвался самостоятельно набрать и возглавить три легиона и одержать ряд побед. Но за эти достижения Сулла уже оказал ему почести, причем сумев даже превзойти ожидания Помпея. Плутарх пишет, что «Помпей рассчитывал на великие почести со стороны Суллы, но получил даже больше, чем ожидал. Завидев приближение Помпея с войском, состоявшим из сильных и здоровых людей, гордых своими победами, Сулла соскочил с коня. Как только Помпей приветствовал его по обычаю, назвав императором, Сулла в свою очередь назвал его этим же именем, причем никто не ожидал, что Сулла присвоит человеку молодому, еще даже не сенатору, тот титул, за который сам он сражался со Сципионами и Мариями. И дальнейшее поведение Суллы вполне соответствовало этим первым проявлениям любезности: так, когда приходил Помпей, Сулла вставал и обнажал голову – почеть, которую он не часто оказывал кому-либо другому, хотя в его окружении было много уважаемых людей. Однако от этих почестей Помпей не возгордился»²⁸⁴. Последняя фраза свидетельствует о неверности представления об излишнем честолюбии Помпея, которому прозвищем «Великий» Сулла столь «изящно» потакал. Кроме того, «Сам Помпей позже всех и лишь спустя долгий срок, уже посланный в качестве проконсула в Испанию против Сертория, начал в своих письмах и распоряжениях именовать себя Помпеем Магном: к тому времени это имя стало уже настолько привычным, что больше не вызывало зависти»²⁸⁵.

Мнение историков также опровергают обстоятельства, которые предшествовали провозглашению Помпея «Великим». Выше мы уже привели их: в ответ на приказ Суллы о роспуске Помпеем своих легионов в Африке, солдаты готовы были взбунтоваться и требовать от Помпея вести их на

²⁸² «В глазах общественного мнения он [Помпей] занимал первое место после Суллы и получил даже от этого беспечного, отчасти признательного и отчасти иронизировавшего над ним правителя прозвание „Великого”». Моммзен Т. История Рима. Ростов-н/Д. 1997. Т. 3. с. 43. «За... дешевые победы он получил от Суллы триумф и прозвище „Великий”, которое в устах умного Суллы звучало несколько иронически». Ковалев С.И. История Рима. Л.1986. с. 394.

²⁸³ App. I. 80.

²⁸⁴ Plut. Pomp. 8.

²⁸⁵ Plut. Pomp. 13.

Рим, а сам Сулла уже думал готовиться к новой войне. Только умение Помпея обуздать бунт в своих легионах, по сути, предотвратило новую гражданскую войну. Мог бы в этом случае Сулла назвать Помпея «Великим» за то, что тот удержал собственных солдат от бунта? Действительно, Помпей отвел большую беду, но разве можно назвать человека «Великим», если сделанное входило в его прямые обязанности, а сама возможность бунта – формально была проявлением недостатков его управления войском.

Плутарх пишет, что «по сообщениям некоторых писателей, сначала это прозвище Помпей получил от своего войска в Африке, но в полную силу оно вошло лишь после того, как Сулла его подтвердил»²⁸⁶. То есть, собственные солдаты называли Помпея «Великим» до того как это признал Сулла. Неужели легионеры объявили Помпея «Великим» просто за то, что он удержал их от бунта? Безусловно, этого явно недостаточно, тем более ничего не сообщается о тех посулах, которыми ему удалось добиться этого. Если разобраться в причине бунта, то видно, что гнев солдат вызвало приказание Суллы Помпею о роспуске своих легионов прямо в Африке. Очевидно, что за участие в гражданской войне его солдаты никак не могли согласиться на роспуск без соответствующего вознаграждения: тем более, многочисленные сулланские ветераны в то же время получили в свое распоряжение земельные наделы в Италии. Согласно традиции, римские легионы распускались сразу по вступлении в пределы Италии. Роспуск же армии в Африке означал, что никакого вознаграждения для легионеров не предусмотрено. Каким же образом Помпею путем переговоров удалось заставить солдат отказаться от мятежа?

Напомним, что на проблемы Помпея, возникшие в Африке, мы вышли через связку Серторий – киликийские пираты. Мог ли Помпей, заручившись согласием Суллы, сделать так, чтобы Серторий, получив соответствующую поддержку, обеспечил на определенное время его легионам «профессиональную занятость»? Конечно, мог. Тем более, что на момент указанного противостояния в состав отряда Сертория, спасшегося бегством из Испании, входили некоторые будущие высокопоставленные деятели серторианского движения²⁸⁷: перешедшие к нему члены штаба Помпея Страбона [отца Гнея Помпея], в том числе его квестор и ближайший сподвижник, ставший прославленным полководцем серторианцев, Л[уций] Гиртулей²⁸⁸, его брат Квинт Гиртулей²⁸⁹, а также Инстей Луций²⁹⁰ и, возможно, Таркви-

²⁸⁶ Plut. Pomp. 13.

²⁸⁷ Подробнее об окружении Сертория см. также: Короленков А.В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб. 2003. с.257-267.

²⁸⁸ Гурин И.Г. Серторианская война ... с. 33.

²⁸⁹ Flor. II. 10. 6; Auct. de vir. ill. 63. 2; Oros. V. 23. 12; CIL, I², 709, 34.

²⁹⁰ Liv. Per. XCI; CIL, I², 709, 40.

ций Приск²⁹¹. Братья Гиртулеи, после того, как Серторий обосновался в Испании, возглавляли серторианцев в первых победоносных сражениях против Метелла²⁹². Во время серторианской войны члены штаба Сертория чуть ли не в открытую заявляли, что считают своего военачальника «человеком по природе мягким и расположенным к мирной жизни, который лишь в силу необходимости, против собственного желания, принял на себя военное командование»²⁹³. Сам же Серторий «когда ...одерживал победы, то сообщал и Метеллу и Помпею, что готов сложить оружие и жить частным человеком, если только получит право вернуться. Ибо, говорил он, ему лучше жить ничтожнейшим гражданином Рима, чем, покинув родину, быть провозглашенным владыкой всего остального мира»²⁹⁴.

Помпей не только мог, создав соответствующие условия, затянуть окончание войны, но и добился осуществления задуманного.

Что до подавления серторианского движения, то, в отличие от конца формальных врагов Помпея (Лепид без боя удалился на Сардинию, где умер от болезни, Спартак, как воин, погиб в сражении), «гибель Сертория была скорее результатом предательства его сторонников и козней врагов, чем следствием честной войны»²⁹⁵. После начала на востоке войны с Митридатом (73 г.) из войска Сертория многие стали перебегать к Метеллу²⁹⁶, хотя казалось, что возобновившееся противостояние Рима с Понтом должно было обнадежить серторианцев в победе, так как империя вынуждена была делить свои военные силы на множество частей, кроме указанных – на войну с пиратами повсеместно на море, войну на Крите против критян, войну с гладиаторами в Италии. Массовый переход серторианцев на сторону Метелла и Помпея выглядит тем более странным, если учесть, что Митридат, прежде чем возобновить войну с Римом, в ходе переговоров с Серторием достиг договоренности о совместной борьбе против их общего врага: взамен крупной суммы денег в распоряжение понтийского царя от Сертория посутпал отряд военных советников во главе с неким Марком Марием. После этого сведения о каких-либо значимых сражениях в Испании отсутствуют. Серторий был убит в результате заговора своими же «соратниками» во главе с Перпенной.

Является ли наш вывод о природе серторианского сопротивления Риму достаточным основанием для того, чтобы назвать Помпея «Великим»? Для его солдат, наверное, да. Помпей предпринимал действенные шаги в направлении решения их проблем. Однако для того, чтобы все римляне

²⁹¹ Front. II, 5, 31; CIL, I², 709, 9.

²⁹² Flor. II. 10. 22. 6.

²⁹³ Plut. Sert. 22.

²⁹⁴ Plut. Sert. 22.

²⁹⁵ Flor. II. 10. 22. 6.

²⁹⁶ App. I. 111.

признали его в двадцатичетырехлетнем возрасте «Великим», он должен был предложить нечто большее для Рима.

В этой связи отдельного рассмотрения заслуживают обстоятельства достижения договоренности между Митридатом и Серторием о совместной борьбе с Римом.

Скажем сразу, что ни один из них не был автором идеи переговоров. Переговоры были начаты по инициативе Митридата и успешно завершены договоренностью с подачи и при посредничестве Л. Магия и Л. Фанния, марианцев, служивших в войске Фимбрии, после смерти которого, прожив некоторое время в Минде, они в начале 70 гг. поступили на службу к понтийскому царю. «Двое Люциев ...Магий и Фанний, стали убеждать Митридата заключить союз с Серторием, внушая ему большие надежды относительно Азии и ближайших к ней племен»²⁹⁷. «Фанний и Магий, бежав из войска Фимбрии, предали себя Митридату; по их призыву Митридат через послов, отправленных в Испанию, заключил договор с Серторием»²⁹⁸.

Казалось бы, относительно Люциев все предельно ясно: потерпевшие поражение марианцы решили продолжить борьбу с суланцами и не пренебрегают сотрудничеством с врагами Рима. Но... со слов Аппиана «Люций же Магий, послуживший посредником между Серторием и Митридатом, теперь, когда Серторий [73 г.] был уже убран с дороги, стал тайно сношаться с Лукуллом»²⁹⁹ напрашивается вывод, что их посредничество имело не столь однозначную цель, как поражение Рима путем объединения сил его противников в лице Сертория и Митридата.

Тема переговоров между Митридатом и Серторием приобретает неожиданное звучание из уст Цицерона. В качестве одного из свидетельств высокого авторитета Помпея он в 66 г. говорил: «А разве тот же Митридат не отправил к тому же Гнею Помпею посла в самую Испанию? Правда, в том человеке, которого Помпей всегда считал послом, некоторые люди, недовольные тем, что он был прислан именно к Помпею, предпочли видеть не посла, а соглядатая»³⁰⁰. Следует отметить, что другие источники говорят лишь о посольстве Митридата к Серторию, но никак не к Помпею. Но Цицерон озвучил указанные слова в своей публичной речи, причем в поддержку назначения Помпея главнокомандующим на войну именно с Митридатом. Следовательно, возможность ошибки оратора исключается. С его слов однозначно ясно, что, будучи в Испании, Помпей имел встречу с послом Митридата. Очевидно также, что это был тот же человек, который был посредником между понтийским царем и Серторием. Но утверждение, что посла к Помпею отправил именно Митридат, на наш взгляд, не могло соот-

²⁹⁷ App. Mithr. 68.

²⁹⁸ Oros. VI. 2. 12.

²⁹⁹ App. Mithr. 72.

³⁰⁰ Cic. De imp. Pomp. 46.

ветствовать действительности, так как не ясно, что могло бы быть предложено понтийским царем в качестве предмета переговоров, т.е. посол, скорее всего, встречался с Помпеем без ведома Митридата.

Ссылаясь на прецедент времен Второй Пунической войны, когда посол Филиппа V к Ганнибалу Ксенофан, попав в руки римских солдат, объявил, что направлен в Италию заключить союз Македонии с Римом³⁰¹, К.Л. Гуленков и А.В. Короленков объясняют изложенный Цицероном факт тем, что послы Митридата, направляясь к Серторию, были случайно задержаны войсками Помпея и чтобы избежать неприятностей – объявили, что они направляются к Помпею³⁰². По их мнению, «они [послы] вообще сумели скрыться, не дойдя до лагеря Помпея, а тот замял дело, но факт прибытия миссии якобы от царя использовал в своих целях – кто еще из римских полководцев удостоился посольства от столь могущественного монарха?»³⁰³. Однако, подобная трактовка предполагает наивность Помпея Великого, который, встречаясь с послом, чего он не отрицал, должен был находиться недалеко от лагеря Сертория, и выставляет его в глупом свете, так как ко времени произнесения Цицероном Речи о предоставлении империя Гнею Помпею было известно, что тогда послы Митридата заключили военный союз с Серторием. Версия К.Л. Гуленкова и А.В. Короленкова могла выглядеть вполне правдоподобной в глазах Митридата, если бы послы таким образом объяснили факт их встречи с Помпеем.

К пониманию истинных целей человека, которого Помпей «всегда считал послом», причем, не только в связи с этой частной встречей, но и вообще его посреднической миссии между Митридатом и Серторием, а также ответа на вопрос, за что Помпей получил прозвище «Великий», нас подводит то обстоятельство, что транспортным средством, на котором он передвигался в качестве посла Митридата по Средиземному морю, был боевой «корабль флота римского народа», который был предоставлен, причем тайно, в его распоряжение в 80 или 79 г. ... Верресом(!). Этот факт был установлен Цицероном в ходе судебного расследования преступлений сицилийского наместника.

Еще по приказу Лициния Мурены, преемника Суллы в войне с Митридатом, милетцы, как и жители остальных городов Азии, в счет дани выстроили десять кораблей для защиты от пиратов³⁰⁴. Веррес, будучи легатом в Киликии (в 80-79 г.) «потребовал у милетцев корабль, который должен был конвоировать его в Минд. Они немедленно дали ему из своего флота

³⁰¹ Liv. XXIII. 33. 4-9; 34. 1-9.

³⁰² Гуленков К.Л., Короленков А.В. Союз Митридата и Сертория. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://science.senet.ru/pubs/51/gre4.doc>

³⁰³ Гуленков К.Л., Короленков А.В. Союз Митридата и Сертория. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://science.senet.ru/pubs/51/gre4.doc>

³⁰⁴ Cic. Verr. I. 89.

великолепную бригантину, вполне оснащенную и вооруженную, лучшую в их флоте. Под ее конвоем он отправился в Минд»³⁰⁵. По прибытии к месту назначения Веррес «велел солдатам и матросам отправиться из Минда в Милет пешком, прекрасную же бригантину, отборную среди десяти милетских кораблей, продал жившим в Минде Л. Магию и Л. Фаннию. Это те самые люди, которых сенат недавно объявил врагами государства^{*}; на том судне они сносились с врагами римского народа, от Диания [в Испании, где был Серторий] до Синопа [в Понте, где был Митридат]. Боги бессмертные! Что за невероятная алчность, что за выходящая из ряда вон наглость! Ты [Веррес] осмелился продать корабль флота римского народа, данный для конвоирования тебя городом Милетом?»³⁰⁶. Веррес особо позаботился о том, чтобы не сохранилось ни одного свидетельства о передаче судна марианцам, что, впрочем, ему не совсем удалось: «Если тебя не смущала ни важность твоего проступка, ни мнение, которое будут иметь о тебе посторонние, ты подумал бы хоть о том, что свидетелем этого гнусного воровства, вернее, этого разбойничьего грабежа, выступит столь славный, столь знаменитый город! Или ты воображаешь, что достаточно попытки Долабеллы – ты же просил его об этом – наказать капитана той бригантинны, рассказавшего обо всем милетцам, и его приказа уничтожить его донесение, внесенное согласно милетским законам в городской архив, чтобы схоронить концы твоего преступления? Этот расчет жестоко обманул тебя [...] Действительно, милетцы исполняют приказания должностных лиц, пока они находятся у них, но, лишь только они ушли, они вписывают не только то, что им не позволили внести раньше, но и объясняют причину, почему это не было вписано раньше. Эти документы остаются в Милете, и останутся там до тех пор, пока будет существовать город»³⁰⁷. Депутаты Милета, представители лучших родов города, во время слушаний по делу Верреса находились в Риме и были готовы подтвердить факт передачи им корабля посланцам Митридата³⁰⁸. Именно после получения этого корабля Л. Магий и Л. Фанний отправились в Митридату и поступили к нему на службу.

По времени передача Верресом корабля Л. Магию и Л. Фаннию произошла как раз после того периода, когда Помпей находился на севере Африки и по приказу Суллы должен был возвращаться в Рим и распустить свою армию. Приведем цитату из Аппиана о договоренностях между пон-

³⁰⁵ Cic. Verr. I. 86.

* Факт, что Л.Магий и Л.Фанний лишь «недавно», т.е. к концу 70-х гг., были объявлены врагами отечества, красноречиво свидетельствует, что в период выполнения посреднической миссии между Митридатом и Серторием – в первой половине 70-х гг. – они обладали всеми правами римских граждан и не преследовались со стороны римских властей. Это обстоятельство также формально не дискредитирует встречу Помпея с посланником Митридата.

³⁰⁶ Cic. Verr. I. 87.

³⁰⁷ Cic. Verr. I. 87-89.

³⁰⁸ Cic. Verr. I. 90.

тийским царем и Серторием: «С Митридатом он [Серторий] договаривался о том, что даст ему Азию, Вифинию, Пафлагонию, Каппадокию и Галатию, и в качестве главнокомандующего послал ему Марка Вария, а советниками обоих Люциев, Магия и Фанния. **С ними Митридат начал третью и последнюю войну с римлянами, в которой он потерял все свое царство**»³⁰⁹ ...

³⁰⁹ App. Mith. 68.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Странная восточная война Помпея.....	7
О событиях в Риме	18
О первом решении Помпеем ветеранского вопроса	25
О пиратской войне	25
О наместничестве Верреса.....	35
О восстании Спартака.....	59
О движении Сертория или... Почему Помпей – Великий.....	67
ЧАСТЬ I	81
ЧАСТЬ II.....	153
ЧАСТЬ III.....	287
Покорение Галлии	287
В поисках больших денег... ..	316
Симптомы надвигающейся гражданской войны.....	442
За Рубиконом	455
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	545